

Наталья Борисова

феноменология
женского
счастья

ИНЯЗОВКИ

Наталья Борисова

**Инязовки. Феноменология
женского счастья**

«Издательские решения»

Борисова Н.

Инязовки. Феноменология женского счастья / Н. Борисова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-746496-7

«Инязовки», поколение конца 70-х. Жили, как черновик писали, и казалось, что где-то ждет другая, красивая жизнь. В чем-то они были иными: им глядели вслед, завидовали, обсуждали. Получили одинаковое образование и одинаково хотели быть счастливыми, но сложилось по-разному. Кто-то поставил все на профессиональную карьеру, кто-то на любовь, на осуществление мечты жить за границей. Разные характеры, разные судьбы. Где та невидимая черта, переступив которую, они взрослеют и становятся личностями?

ISBN 978-5-44-746496-7

© Борисова Н.
© Издательские решения

Содержание

Выражаю благодарность	6
Часть первая.	7
Пролог	7
Глава 1. Родом из детства	10
Глава 2. Проба пера	13
Глава 3. Судьбы повороты	20
Глава 4. Первокурсница	22
Глава 5. Люди влюбляются, женятся	26
Глава 6. На острове Юности	29
Глава 7. Колхозная эпопея	32
Глава 8. Преимущества общежития	35
Глава 9. Вечер испанской кухни	38
Глава 10. «Рыжий гринго» и другие	43
Глава 11. Практика устной речи	49
Глава 12. Любовь по переписке	56
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Инязовки

Феноменология женского счастья

Наталья Борисова

© Наталья Борисова, 2019

ISBN 978-5-4474-6496-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Выражаю благодарность

Соавторам и соучастникам процесса написания книги Надежде Загребельной, Ирине Гатальской, *Ирине Миняшиной*, Маргарите Майновской за сотрудничество и новые идеи.

Интернет-изданию viva-rafael.com (Вива Рафаэль!) и его главному редактору Наталье Арутюновой за проект «Воскресные чтения с Натальей Борисовой», благодаря которому увидели свет многие главы.

Издательству Ridero.ru за помощь в воплощении авторских задумок и прекрасное полиграфическое исполнение книг.

Руководителю школы писательского мастерства Сергею Лихачеву за конструктивную критику и новое видение проблем.

А также всем друзьям, дорогим свидетелям времени, за поддержку и добрые слова, без чего эта книга не состоялась бы.

Михаил Сергеев, член Союза писателей

Я как-то взялся за поиск книг, где отдыхаешь душой, а не просто отвлечен неизвестностью, как в детективах – это прием десятком планок ниже, но безуспешно. Один Довлатов и остался. Самоирония помогала ему жить, но главное, она спасет его «там», где в «прощенье» вменяются удивительные вещи. Так вот, Наталья, Ваша книга – та же самоирония, взгляд с высоты лет. Ее нельзя читать быстро, ведь так же быстро закончится удовольствие. Ваши Марго, Таисия, Вероника – кто-то давно и далеко, кто-то ближе. Но время, когда были вместе, запечатлено – и на сургуче том слово «Молодость» в той самой иронии. Без лозунгов и баррикад.

Повезло времени, вам и книге. Спасибо!

Пожалуй, вы не знаете, какую чудесную вещь написали, а для «определенного круга» – незаменимую, весеннюю, трогательную меж той литературой, которую я заставляю себя читать по иным мотивам. Вы – тихая гавань, я люблю такие же часовни – их много в искусстве, они напоминают общее хорошее в нас, дают глоток чего-то доброго, легкого, близкого каждому, ибо у всех была мама, юность, друзья.

Если много лет не видеть, не сидеть за столом, друзей крадет время. Слова героини: «Кому надо, те останутся, остальных – просею...» не подтвердились. Не спасли. Люди не «просеиваются». Не дай, Бог, испытать разочарование от встречи уже с «другими», подай судьба ее вам, где «общее хорошее» порой уступит «общему плохому».

Остаются книги, где вы еще друзья, где ветреность, надежды. И последних – россыпи. Вы дарите их щедро. Но уже читателям. А вас неведомая рука вписывает уже в другую библиотеку. Еще раз спасибо.

Часть первая.

Куда уходит нежность?

Записки Насти Январевой

Пролог

Не выйдя из сонного опьянения новогодних праздников, Красноярск мирно праздновал рождество. В торгово-развлекательном центре «Планета» даже в утреннюю пору царило людское оживление. Покупатели, завлеченные фантастическими рождественскими скидками, плавно перетекали из одного модного отдела в другой. Сюда, на встречу со мной, спешила моя однокурсница, бывшая инязовка Рита Юникова. Я поджидала ее под экзотическими пластиковыми пальмами у фонтана, что шелестел слабыми струйками неподалеку от огромной ели, украшенной ярко-красными звездами и золочеными шарами.

– А что, вполне узнаваема, – Рита издала озарила меня своей широкой обаятельной улыбкой. – Прости, что опоздала. Вот уже два месяца я в роли не отходящей сиделки. И помощи ни от кого не вижу: все завещано, все подарено, а старушка – кому она нужна?

– Такова наша доля – ухаживать за теми, кто в нас нуждается...

Мы оставили шубы в гардеробе и на эскалаторе поднялись на второй этаж. Рита уверенно двинулась в сторону яркой неоновой вывески «Планета суши». В баре на удивление было тихо и безлюдно.

– Похоже, здесь закрыто, – заметила я. – Давай найдем другое место.

– Сейчас все устроим, – Рита направилась в сторону официанта, который одиноко маячил в глубине просторного зала. Несколько минут она что-то настоятельно ему внушала, показывая на меня рукой, словно я заключала в себе главную суть дела. По всей видимости, сообщала молоденькому официанту, сколько лет мы не виделись, а тот, прожив чуть не вдвое меньше, уже заметно колебался. Наконец, все было улажено, и мы разместились за столиком у окна.

Я не могла сдержать улыбку. Где, где та маленькая инязовка Ритка Юникова, веселая, звонкоголосая пичужка в вытянутой кофточке «лапша» с декольте, обнажающем детские ключицы, в короткой юбочке, заканчивающейся ровно в том месте, откуда начинались худые ножки. Где та невидимая черта, переступив которую, мы становимся взрослыми? А теперь... внушающая почтение дама приятной полноты: королевский поворот головы в сторону барной стойки, величественный взмах руки, подзывающий официанта: «Будьте добры...» И вот уже перед нами красуются кусочки копченой семги и тигровые креветки на листе салата, роллы «Филадельфия» с розочками из маринованного имбиря, высокие тонкие стаканы с вишневым соком и крошечный графинчик с водкой, которую мы сумеем растянуть на два часа общения.

– Я сегодня всю ночь не спала, все думала, о чем мы будем говорить с тобой, – призналась Рита, извлекая из шелестящей обертки деревянные палочки. – Интересная штука – память. Словно шелкаешь невидимым тумблером – и вот она преподносит тебе нужные события, эпизоды твоей жизни, как будто из чемоданчика с коллажем на заданную тему.

– Тогда выдай мне такую картинку – Иркутск, поступление в иняз, год 1975.

– ОК! – воодушевилась Рита. – Вижу вокзал, конец июля. Билетов на ближайшие несколько дней нет – люди возвращаются из отпусков. Для моих родителей такое событие, как мой отъезд, оказалось полной неожиданностью, как и мой выпускной бал с его белым платьем. Позаботиться о билетах заранее никому не пришло в голову, хотя я протрещала про Иркутский иняз все уши. А первый экзамен – послезавтра. Правда, в общий вагон билеты были, но там ехали солдаты. И вот мы с подругой – две семнадцатилетние пичужки – в вагоне, наполовину

забитом солдатами. Доехали до утра, а там – здравствуй, незнакомый город Иркутск! И все беседы с солдатиками, обещания писать – все куда-то ушло, стало незначительным, размытым, как кадр в расфокусе. Иркутск после просторного, более людного и современного Красноярска мне не понравился, показался каким-то заштатным городишкой. Это позже пришло понимание шарма деревянно-каменных уездных городков. Но не тогда.

– А спортзал вспоминаешь? Нам тогда сказали: «Общежития не будет – на ремонте. Кто не в состоянии оплачивать съемное жилье, все – в спортзал».

– Помню! До сих пор стоит перед глазами это разноцветье шумной, многонациональной девичьей толпы, заселившей спортзал. Нас, наверное, было не менее сорока. Украинки, русские, бурятки, белоруски, молдаванки – все представительницы тогда еще большой и сильной страны. Выдали нам по раскладушке и – удачи, девчата! Отдельным островком держались девушки из Бурятии. Почти все они имели республиканские направления и, зная, что «национальному кадру» это добавит баллов, особо с подготовкой не парились. Вокруг их раскладушек батареями стояли бутылки с газировкой, пирожные, печенья. Было ощущение, что дома их лишали всех этих радостей и теперь они «догоняли». Еще казалось, что у них была одна фамилия – Раднаева, красивая, но общая, одна для всех.

– Многие из них и впрямь состояли в родстве.

– Ты знаешь, тебя в интерьере спортзала я тоже хорошо запомнила. В дружном строе раскладушек твоя стояла особняком. Все, что я знала о тебе тогда, только имя. Тихая, миловидная девочка в очках, крашенная под блондинку. Что-то вязала, что-то учила, спокойно отвечала на вопросы, но первой в разговор не вступала. Казалось, ты знала о жизни гораздо больше, чем мы с подружкой, незрелые, совсем не подготовленные к жизни. И просто неслыханной крамоллой показался мне твой протест против оценки за сочинение. Откуда была такая уверенность в своей правоте? Сработало – исправили, ведь проверяли сочинения не «русаки», а инязовские преподаватели. Прошли годы – и вот я читаю твою рукопись. Нет, ничего не было случайного. Ты уже тогда все знала про себя, по крайней мере, свой потенциал.

– Поверь мне, Рита, ничего я не знала. Я писала про своего любимого Чехова, а мы с ним «на одной волне». И я чувствовала, что сочинение, написанное от души, получилось хорошим. А какая мать не бросится на защиту своего детеныша?

– Училась ты ровно и спокойно и этот твой абитуриентский бунт я восприняла как одноразовый протест, за которым других – на моей памяти – не последовало. Кстати, именно ты научила меня есть пельмени!

– Правда? Расскажи!

– Случилось пару раз составить тебе компанию в пельменной. Я с любопытством наблюдала, как с маслицем или сметаной, но обязательно с горчицей, ты лакомилась этим блюдом. В доме моих родителей привычнее был простейший бульонно-сметанный вариант. Я тоже научилась смаковать, что и делаю с удовольствием по сегодняшний день.

– Вот только пельменей тех, советских, уже не производят.

– Как-то странно пришло желание рассказать об одной девочке. Помнишь, с нами училась Галка? Милое, мягкое создание – улыбчивая, скромная, усидчивая. При поступлении даже перебрала количество баллов. Позже, когда она показала полную неспособность к языку, и некоторые преподаватели просто умоляли ее оставить институт, ее пятерки на экзамене и сам факт поступления в языковой вуз – все показалось странным. И лишь на четвертом курсе выплыла правда – одна из преподавательниц дружила с ее матерью.

– Почему ты ее вспомнила? Потребность судить?

– Есть такой грех. А, может, стало обидно за подругу, которой до поступления не хватило полбалла. Вся жизнь я была непримирима к непрофессионализму, «блату». Правда, принцип оказался хлипким. Теперь каждый постулат мне представляется чем-то вроде двуликого Януса – распространяется на других. А вот когда дело доходит до тебя самого, разве хва-

тило когда-нибудь сил отказаться, благодаря добрым связям, от «теплого» местечка для себя или любимого чада? И потом, уже будучи молодой учительницей, я оказалась на ежегодной августовской конференции и разговорила с учителями из школы, где трудилась Галка. Они с таким восторгом отзывались о ней, как она любит детей, а дети – те просто обожают ее...

– А может, и нет такой уж необходимости, работая в школе, быть лингвистом экстра-класса? Достаточно знать какие-то основы и, главное, любить детей?

– Скорее всего, так. Но я из школы ушла. По своим мотивам. А ты, я слышала, книгу пишешь? И как продвигается твое творчество?

– У меня есть развивающий редактор, наша однокурсница Надя Задорожная. Помогает советом, несогласием, критикой. Она не будет лукавить, если ей что-нибудь не нравится: «Меня просто убивают эти длинноты, необязательные красоты». Человек, который много лет занимается скучными техническими переводами – и такое удивительное чувство языка! Когда у меня бывают творческие срывы и хочется все бросить, она мне говорит: «У тебя что, горит с этой книгой? Пиши, переделывай. Разве сам процесс не доставляет тебе удовольствия? И нет ничего страшного, что зашла в тупик и самой что-то не нравится. Будет гораздо хуже, если будешь всем довольна». Из однокурсниц она мне сейчас более всех близка, еще Маша Викентьева, но она пишет редко, хотя и помногу. Остальные как-то рассосались в пространстве и времени. Мы ведь и правда стали другими – женщинами зрелого возраста, утратившими прежний кураж. Признаюсь тебе, иногда я отказываюсь узнавать себя в зеркале. Почему мне хочется писать? Да потому, что во мне бродит нечто, что просит выхода в творчестве. Другое дело – нужно ли мое творчество человечеству?

– Ты пишешь не детективы, не бульварное чтиво на широкую публику. У литературы мемуарного плана своя аудитория. А меня вот поражают те, кто читает Юлию Шилову. Ни стиля, ни доброго сюжета. Письма зрителей, «страшилки», и вот – богатая женщина-писательница. «Французское завещание» Макина – что в нем такого? Но чем-то притягивает. И он не живет в Сибири. Сколько мне приходилось видеть скудоязычных, вокабулярных переводчиков из Москвы и Питера. Да многим сибирским ребятам-толмачам в подметки... И что? Кто их знает? Моя трудовая биография была в чем-то побогаче прочих, а вот с личной жизнью – ни хорошо, ни плохо – вообще никак! Я всегда с каким-то странным пиететом относилась к сильным мужчинам, принимая за силу обычный эгоизм, бесцеремонность, жестокость, которые скрывали элементарную слабость. Меня начинали ломать – и это прокатывало. До поры, до времени. Пока не приходило понимание, что этот мужчина – никакая не скала, не опора.

– А мне повезло в этом плане. Рядом со мной сейчас именно такой мужчина – сильный и надежный. Он вдовец, старше меня, хотя все еще полон энергии и даст фору молодым. Между нами нет пылкой страсти, скорее всего мы дружим, восполняя друг другу недостающую половинку мужского-женского начала. Он принимает меня в «любом виде»: «Ты – это ты!» Так же, как мы принимаем своих детей: зная их недостатки, любим все равно. Поэтому я его считаю подарком, который мне преподнесла судьба на склоне лет.

– То, что тебе привелось встретить надежного мужчину, поверь мне, не частая удача. По собственному горькому опыту знаю, что пара должна быть прежде всего друзьями, а остальное – уж как доведется, вторично. Только друзья могут, зная недостатки друг друга, принимать их и оставаться рядом. Нужно быть с тем мужчиной, который ценит тебя, который делает больше, чем говорит, которого волнует, где ты, как ты, поела ли и тепло ли оделась. Это и есть любовь.

Глава 1. Родом из детства

По-настоящему раскрыться в общении с друзьями, выйти из скорлупы своего скрытного характера я смогла не сразу. Первый курс я «мыкалась» на съемных квартирах, не имея возможности поселиться в общежитии, как те счастливиčky, кто с первых дней окунулся в студенческую среду и познал радость присутствия дружеского локтя. Я жила в Ново-Ленино и сорок минут добиралась до института, промерзая в автобусах, мучаясь от голода, неутраляемого случайными перекусами. Единственной точкой опоры, светлым пятном в начале моей студенческой жизни была двоюродная сестра Вероника. Мы встречались после занятий, изливая друг другу душу и обоюдно подпитываясь родственным теплом. Начинался наш маршрут от иняза, впечатляющего своими высокими белыми колоннами здания, в котором я училась. Мы проходили пешком всю улицу Ленина и сворачивали на городской «бродвей» – проспект Карла Маркса, где находилась наша любимая пельменная, и терпеливо (оно того стоило!) выстаивали длинную очередь, чтобы отведать порцию приготовленных по-домашнему пельменей. Бойкая торговая улица Урицкого потоками разношерстного люда выносила нас к центральному рынку, где сходились все городские транспортные маршруты. Там мы вливались в угрюмую толпу продрогших пассажиров, ожидающих «гармошку», автобус, который следовал к месту моей глухой «ссылки» – отрезанному от города микрорайону Ново-Ленино. Здесь мы расставались до завтрашнего дня.

Путь наш был долгим, но за разговорами не замечались ни пройденные километры, ни затраченное на дорогу время. Наши души соединялись, и в таком состоянии мы крепчали силой духа. Как птенцы, выброшенные из родительского гнезда, мы учились самостоятельно выживать в бурном житейском море.

Вероника, студентка пединститута, будущий логопед-дефектолог, к тому времени уже имела опыт выживания в отрыве от семьи: она просто перешла из одного состояния «общего жития» в другое, ему подобное. Всю свою сознательную жизнь девчонка провела в интернатах. Отца своего не знала, хотя, обладая богатой фантазией, правдоподобно рассказывала о том, что он постоянно искал с ней встреч. Я не задавала лишних вопросов, «верила», и сердце мое сжималось от боли за сестру, лишенную такой жизненно важной составляющей как отец. Конечно, в природе он существовал, этот веселый сапожник Иван. Первый и последний мужчина глухонемой Вали, матери Вероники. Оба были слишком молоды, чтобы отвечать за последствия всепоглощающей любви на сеновале.

От отца Вероника унаследовала веселый нрав и свободолюбие, от матери ей достались простовато вздернутый, курносый носик, широко распахнутый взор и вечное удивление в глазах. Она была необычайно говорлива и простодушна. Вызывала такое к себе расположение, что люди тянулись к ней, как подсолнухи тянут свои головы вслед за солнцем. Друзей и подруг у Вероники было много, и просто удивительно, как я могла не потеряться в этом людском водовороте, обладая такими чертами характера, как молчаливость и сдержанность. Имея привычку «семь раз отмерить, прежде чем отрезать», для своей сестры, обладающей чрезмерной экспансивностью в проявлении чувств, я была тем самым прохладным ветерком, который в нужный момент остужал ее горячую голову. По степени значимости для себя Вероника называла меня генералом в сравнении с людьми, ее окружавшими.

Пока была жива наша добрейшая бабушка Степанида, Вероника жила в Шеберте, под ее теплым крылышком. Дед Муха относился к девочке со всей строгостью, пресекая на корню непозволительные шалости. Веронику он считал случайным недоразумением, осложнением, которое внесла в его жизнь «непутевая» дочь Валя, и как только бабушка Степанида ушла в мир иной, старик, не мучаясь в раздумьях, «сдал» девочку в интернат. С десяти лет Вероника познавала окружающий мир самостоятельно.

Шеберта взрастила на своих ромашковых полях не только вольнодумную Веронику. Здесь, в крепком бревенчатом доме, провела свое детство и юность моя мама. В большой семье она была младшей и самой любимой. Красивая, гордая, недоступная для деревенских кавалеров, она вызывала восхищение даже у досужих кумушек. После окончания медучилища, на распределении, вдвоем с подругой выбрали одну и ту же точку – поселок Сосновку. Заведующий здравотделом, глядя на двух девчонок, не уступающих друг другу, предложил тянуть жребий. Сломанную спичку вытянула мама, тем самым предопределив судьбы сразу пятерых человек – свою, своих троих детей и моего отца. Претендентов на ее руку было двое – отец, главный инженер леспромхоза, серьезный молодой парень, которому еще в академии предсказывали: «Этот далеко пойдет», и его друг, неутомимый весельчак-оптимист. Чтобы устранить соперника, отец, воспользовавшись служебным положением, перевел его «к черту на кулички», чем облегчил нелегкий выбор мамы. Эта история стала одной из семейных легенд, которую родители каждый раз облекали в новые подробности. Сколько же было судьбоносных случайностей в жизни, от которых зависело мое появление на свет: сначала сломанная спичка, затем мамин определяющий выбор. Несомненно, отец поступил мудро. Не прими он таких крутых мер, у мамы родились бы другие дети. Увы, это были бы не мы!

Мы явились на свет один за другим, не давая матери ни малейшей передышки. Трое детей в семье – это нагрузка, которую выдержит не всякая женщина. Отец «горел» на производстве, целиком отдаваясь работе. Все домашнее хозяйство легло на мамины плечи. Бабушка Степанида, желая помочь дочери, забирала нас на все лето. Больше радости для нас и не было. Шеберта – это свободный образ жизни и чудесная природа: луга, заросшие ромашками, чистый березовый лес сразу за огородами, теплое, подернутое тиной озеро и совершенно особенный воздух, что настаивался на ароматах разнотравья.

Весь день предоставленные сами себе, мы с утра уходили на озеро и купались до «гусиной» кожи, до синих губ. Легкая на выдумки, Вероника верховодила деревенской детворой. Без ее участия не обходилось ни одно «культурное» мероприятие. В огромном сарае с сеновалом наверху она устраивала самодеятельные концерты. Мы рядились в длинные платья, наклеивали лепестки герани на губы и пели, плясали, читали стихи. Деревенские девочки, явно уступая нам в выдумке и артистичности, смотрели на наши «экспромты» с плохо скрываемой завистью. Самым ярким цветком среди нас была младшая сестра Таисия. Даже не цветком, а бутончиком, еще не распустившимся, не показавшим, что там внутри, но уже притягивающим взоры своей скрытой загадкой.

Как-то целую неделю шел проливной дождь, принуждая нас к домашнему заточению. Придорожные канавы наполнились водой. Вдруг, разогнав хмурые тучи, засияло солнце, и воздух наполнился долгожданным теплом. Вероника выглянула в окошко:

– Смотри, сколько воды натекло в канавы! Айда купаться!

Я подхватила с места, ни секунды не сомневаясь в разумности предложения. Мы плюхнулись животами в мутную воду и, поднимая грязные брызги, радостно забили ногами.

– Глядикось, что вытворяют Муховы внуки! Ремня дать некому! – смотрели с недоумением деревенские обыватели, и даже гуси, перестав щипать траву, застыли в столбняке с вытянутыми шеями.

Мы бесновались до тех пор, пока в поле зрения не попала следующая картинка. Со стороны железнодорожной станции показалась наша старшая двоюродная сестра Алина. Студентка университета и красавица-хохотунья, расточавшая вокруг себя флюиды счастья, в ту пору она была для нас «лучом света в темном царстве». Алина шла с поезда, несла сумку, в которой всегда были подарочки для нас. И вдруг взгляд ее остановился... Не затруднив себя поиском слов, способных выразить высшую степень негодования, Алина угрожающе подняла с земли хворостину. Мгновенно оценив степень опасности, мы вылезли из канавы и припу-

стили бегом к бочке, наполненной дождевой водой. Для своих юных лет мы были не глупыми девчонками, хоть и позволили себе купаться в сточной канаве.

С приездом старшей сестры все вокруг озарялось веселым городским духом. Алина энергично бралась за уборку, и старый дом тети Серафимы преображался в светелку с чисто вымытыми окнами и полами. Алина стряпала пышные булочки с брусникой, легкой птицей порхая по кухне. В счастливые годы нашего детства она была для нас звеном, которое связывало наше воображение с другим, таким волнующим внешним миром.

Глава 2. Проба пера

Алина считала своим долгом направлять нас на путь истинный. Когда мы окончили школу и приехали в Иркутск поступать: я – в университет на журналистику, Вероника – в пединститут на дефектолога-логопеда, она взяла нас под строжайший контроль, выдвинув жесткие требования – забыть танцульки, готовиться и готовиться. Слова ее обсуждению не подлежали.

Алина была замужем за геологом Владиславом. Тот еще в Шеберте заприметил бойкую девчонку с милыми ямочками на щеках. Взрослому, много чего повидававшему бородатому мужику, кочующему со своей партией в поисках земных кладов, звонкоголосая девушка показала чистым сокровищем в деревенской глуши. Все два года, пока их партия находилась в окрестностях Шеберты, он на нее поглядывал. И когда Алина, окончив школу, поступила в Иркутский университет, Владислав отыскал ее в большом городе и выхватил из общежития: «Жить будешь у моей матери». Девушка скромно разместилась в проходной комнате. В небольшой двухкомнатной квартире вместе с ними обитала собака лайка по кличке Динга.

Варвара Ивановна, мать Владислава, оказалась не такой благодушной и покладистой, какой выглядела при первом знакомстве. Студентка, не имеющая ни кола, ни двора, из тех, что «понаехали», Алина молча сносила едкие упреки, на которые в отсутствие сына не скупилась хозяйка драгоценных квадратных метров.

Рождение ребенка прибавило шанс на снисхождение. Маленький Андрейка был пухлым, упитанным крепышом, и Варвара безоглядно отдала ему всю себя, воркуя над мальчиком хлопотливой голубкой, заботливо сдувая пылинки. Все, что ни делала невестка, вызывало приступы болезненного раздражения и подвергалось критике. Казалось, свекровь намеренно раздувала искры из еле тлеющего уголька, чтобы вспыхнула и разгорелась ссора.

Когда мы, две абитуриентки, появились в этой квартире, надеясь получить здесь временный приют, мы ни сном, ни духом не подозревали о царящем в этих стенах противостоянии. Варвара оказалась первой серьезной закавыкой на пути постижения мира, который простирался за пределами семейного очага. Первым человеком, давшим понять, как непрост этот мир, в котором мы должны были найти себя и утвердиться.

Прилавки магазинов в ту пору были пустыми, как закрома церковной мыши. Понятие «купить» ненавязчиво вытеснялось другим словом – «достать». «Доставали» продукты те, кто стоял у истоков их производства и распределения. «Достать по благу» значило иметь с такими людьми хорошие отношения. Соседка, работница мясокомбината, время от времени приносила в дом внушительный сверток сосисок, которые *доставала* по заказу Алины. На столе был праздник. Однако сосиски имели свойство заканчиваться. Когда этот неприятный момент приближался, Варвара, сжав трубочкой руку, шипела на ухо жующему Андрейке:

– Скажи им, чтобы сосисок тебе на утро оставили. Тебе и бабуленьке твоей покушать!

– Не хочу! – мычал набитым ртом Андрейка.

– Кому говорю: скажи! – Варвара угрожающе морщилась. Андрейка портить отношения с бабушкой не хотел и, ломая себя, вставал перед матерью с опущенной головой и срывающимся голосом просил:

– Мама, оставь нам сосисок на утро.

– Ты что, рехнулся?! – Алина покрывалась краской.

Повинуясь железному взору Варвары Ивановны, Андрейка подходил ко мне, а потом и к Веронике, и, отведя глаза в сторону, просил оставить ему сосиску. Варвара сидела на диване, вытянув ноги, и, как режиссер, добросовестно отработавший все актерские роли, внимательно следила за происходящим спектаклем.

Возвращаясь из института, мы сталкивались с закрытой дверью и просиживали в подъезде битых три часа. Наконец на лестнице слышалось знакомое хриплое дыхание.

– Кто опять крышку почтового ящика отворачивал? – спрашивал Андрейка, сохраняя ворчливые интонации «бабуленьки».

– Никто не отворачивал! – отвечала я.

– Ты не отворачивала, значит, сестра твоя отвернула, – недобро опровергала Варвара. – Сколько раз я говорила вам, чтоб не лазили по ящику! Бабушка ваших писем не тронет. Все будут лежать на столе. В следующий раз буду ожидать вас у ящика с ремнем!

Мы хранили недружелюбное молчание.

– Почему у *нее* (она не снисходила до того, чтобы называть невестку по имени) ключа не возьмете? По вечерам блудит, пусть берет ключ. А сейчас он ей зачем? Сестреночка ваша! – голос Варвары набирал привычную язвительность. – Сколько в ней строгости! Вас ругает, а сама и стипендию могла не получить. Бабушка полы в подъезде мыла, чтобы хлебушка купить. Я вчера напоминала, что мы с Андрюшей пойдем в зверинец. Бабушка хоть и старый человек, а всегда предупреждает, куда идет!

– А нам все равно пришлось три часа стоять в подъезде, – заметила Вероника. Мы стойко отмолчались в ответ на предложение выпить чаю, и даже когда «бабуленька» вышла из дома, остановили себя на полпути к холодильнику.

По утрам Варвара, закрываясь сложенной газетой, жевала колбасу. Затем торопливо заворачивала оставшийся кусок в бумагу, прятала его в холодильник, а шкурки выбрасывала в окно.

– Ну, а вы, барышни, умывались? – звучал ее вопрос. – Идите чайку попейте. Есть пока нечего.

Прикончив яичницу, которую жарила для Андрейки, «бабуленька» выходила на балкон и разводиła разговоры с жильцом верхнего этажа: как здоровье, как ребенок, а вы знаете, что ваш смысленный малыш отправлял меня в роддом купить ему сестренку? Да кто же меня, старую дуру, туда пустит? Варвара смеялась, довольная своим остроумием, и потом в течение получаса умилялась собакой:

– Ты собачка, да? Собачка! Ты мой лучший друг. Даже собачка ласкается ко мне. Собаки чувствуют хорошего человека. Их не обманешь.

И неожиданно гнала Дингу с балкона, приговаривая: «Пошла отсюда, свинья!», тащила упирающуюся собаку в ванну и принималась ее мыть. Покорившись судьбе, Динга, мокрая и облезлая, неподвижно стояла в воде, а Варвара напевала:

– Сжарилась ты на солнце, бедняжка! Бабушка тебя помоеет. Бабушка всех жалеет, печется душой!

Воспользовавшись благоприятным моментом, Динга выскакивала из ванны, как черт из табакерки, и мчалась на балкон, отряхиваясь от воды и громко стуча «копытами».

– Пошла в будку, паршивка! – кричала Варвара. – Кому говорю! Ишь ты, сраная!

Шаркая тапками, исчезала на кухне. Кряхтя, доставала кастрюлю и принималась перебирать бесчисленные пакеты с крупой. Намечался какой-то супчик.

– А что ты делала так поздно в туалете? – спрашивала она вдруг у Вероники, вспомнив, что там долго горел свет. – Учила? У нас можно учить в туалете: запахов там нет. Бабуленька всегда сушит тряпочки, чтобы сыро не было. А вы что, забастовку сегодня устроили? Так я же, по-моему, не давала повода.

Безмолвно копошилась на кухне, позвякивая тарелками, и в конце концов, приглашала нас к столу:

– Идите, ешьте суп! Отравленной пищи я не готовлю, как ваша сестрица. Вы все много желствуете. Я правду говорю. Зачем *она* Андрейку уродует? Повезла ребенка на море, чтобы голых баб и мужиков на пляже показывать. (Андрейка сидел рядом притихший, весь внимание). Я в Ленинграде по музеям и театрам его водила. Ребенок прекрасное познавал, а не распутство. Не видел он пьяных мужиков. Она-то пусть смотрит, ей они по душе.

– Зачем вы говорите при ребенке плохо о его матери? – спросила Вероника.

– Ешь кашку! – обратилась бабушка к внуку, словно не услышав вопроса. – А ты зря нос воротишь! Зря! Видимо, у вас эта злость врожденная.

– А у вас – лицемерие и подхалимство, – едва не слетело с языка Вероники, но она сдержалась.

Как-то в отсутствие Варвары раздался звонок. В дверях стоял коротенький, какой-то мизерный дядька. Он держал в руках посылку от Владислава и письмо его бывшей жене. Вернувшись домой, Варвара нацепила очки и тщательно осмотрела коробку.

– Кто развязал веревку?

Обнюхала письмо:

– Кто-то ковырялся здесь!

В посылке оказались прелестные белые туфельки, а кому они: Алине или бывшей жене – непонятно. Разглядывая туфли, Варвара надолго впала в глубокое размышление. О чем она думала? Почему у Владислава не сложились отношения с первой женой? Или как удалось деревенской девчонке из Шеберты свести с ума ее взрослого сына? Может быть, старушка с нахлынувшей грустью вспомнила про свою любовь? До нашего слуха дошел окончательный вывод, последовавший в итоге ее размышлений:

– Нет, нынче нет такой любви! Всю жизнь песни пели.

Мы продолжали готовиться и сдавать экзамены.

Вероника сдала историю на «пять», я написала сочинение на свободную тему «Как не гордиться мне тобой, о, Родина!». Мне нравилось излагать свои мысли, а не заимствовать чужие из учебника. «Свои» мысли экзаменаторы ценят, а штампованные фразы пропускают без внимания. Теперь я принялась за историю, а Вероника готовилась к сочинению. Алина настаивала на том, чтобы мы хорошо питались. После работы она появлялась с полными сумками, но все это пропадало, не доходя до стола. Исключением оставался ужин, который она готовила, когда мы собирались вместе.

С утра Варвара ставила перед Андрейкой «царский» завтрак: яичницу, сосиски, кашку, неизменно приговаривая:

– Я ведь все только для тебя! Сама чайку попила – и ладно!

Андрейка, чувствуя себя на особом положении, кричал с набитым ртом:

– Никому не дам! Палкой буду отгонять!

В сознании мальчика укрепилось убеждение в том, что я и Вероника – два монстра, вторгшиеся на чужую территорию, всколыхнувшие воду в их тихой заводи. Поддерживая условия борьбы, которую повела бабушка, Андрейка интуитивно искал повод, чтобы кого-то из нас зацепить, и с любопытством наблюдал, что из этого получалось. Чавкая яблоком, он спрашивал у Вероники:

– Вероничка, ты ела у нас яблоки? – не дождавшись ответа, он торжествующе добавлял: – Они кислые, а вы берете!

– Кто по бочке лазил? – доносился с балкона голос Варвары, дополняя череду незаслуженных укоров.

– Вероничка! – радостно кричал Андрейка, отводя от себя подозрения.

– Надо соседям на сохранность отдать бочку! – шипела бабуленька. Это плохо скрываемое противостояние могло продолжаться бесконечно, но закончилось в один день, вернее, приобрело другую форму, когда враждующие стороны сняли свои маски и обнажили подлинные лица. В тот день Варвара, как обычно, выгуливала собаку и, вернувшись с прогулки, торжественно заявила Андрейке:

– Посмотри, что тебе Динга поймала!

И подала мальчику птицу величиной с голубя, с хохолком на голове. Один глаз у нее был выклеван, ножки дрожали.

– Молодец, собаченька! Я тебе сахарку дам за это! Люди хуже собак. Кто ей выдавил глаз? Наверняка, ребятишки игрались! Собака – и та не тронула, лапой придавила, ждала, пока я подойду.

Она принесла клетку, в которой раньше жил хомяк, и посадила в нее птицу. Та вертелась по сторонам, чтобы глянуть одним глазом, падала, била крыльями. Клетка угрожающе раскачивалась на оконной створке. Андрейка в возбуждении вертелся рядом. Варвара наблюдала за ним с чувством глубокого удовлетворения: чего только не сделаешь ради любимого внука. И тут меня что-то толкнуло изнутри – сработал протест против посягательства на чужую свободу. Ах, если бы я знала, чем все это закончится! Я сняла клетку и выпустила птицу. Та с испугом забилась в темный угол за кровать бабушки.

– Зачем ты ее выпустила? – метнула Варвара злобный взгляд. – Будет пакостить на кровати.

– Эта клетка мала для птицы, разве вы не видите? Не надо было приносить ее в дом.

– Я тебя не спросила, говно такое! В моем доме она будет мне указывать! Одной не хватало, теперь эти. Доживи до моих лет сначала! Хамка!

– Никто не указывает вам, – дрожащим и звонким от волнения голосом сказала Вероника. – А вы сразу «говном» обзываетесь.

Что тут началось! Варвара высказала все, что носила в душе. Мы узнали про себя, что мы «и поганки, и паршивки». Приехали в ее дом, стали наводить свои порядки, брали швейную машинку, гладили утюгом. «Не бывало такого, чтобы за свет семь рублей намотало. Мой сыночек месяцами в неглаженных брюках ходит, а они утюга из рук не выпускают».

– По холодильнику стали лазить, как у себя дома, – обличала разгневанная старушка. – Ребенок вчера плакал: хочу колбасы! А они сидят и смеются – колбасу у ребенка съели! Завернула, в самый угол спрятала от вас. Нет! Нашли! Съели!

Этот кусочек ливерной колбасы, которую покупали для собаки, мы попробовали из чистого любопытства. Колбаса оказалась съедобной, более того, обладала необычайно приятным вкусом. Кусочек был невелик и растаял от одного нашего взгляда. Нам и в голову не пришло, что бабушка берегла ливерную колбасу для любимого внука. Поэтому мы улыбнулись, представляя Андрейку, поедающего ливерку на пару с собакой.

Наливавшийся злобой голос Варвары заполнял всю комнату. Нас потряхивало, как в лихорадке.

– Я напишу твоей матери письмо! Все про тебя напишу! – пообещала бабушка, выпив валерьянки.

С этого дня мы обедали в столовой, хотя денег совсем не оставалось, ведь то, что присылали родители, приходилось делить на двоих.

– И в чем нас упрекать? – недоумевала Вероника. – Полы моем каждый день, посуду... Собаку выгуливаем, в магазин ходим. Делаем все, о чем нас просят. Чем мы не угодили?

– Тем, что не желаем раболепствовать? – предполагала я. – Лицемерить мы не умеем, да и не хотим, но ведь и против ничего не говорим, зная, что «бабуленька» – человек больной.

– Соседям она высказывала, что ты «избалована достатком», а меня выставила как «беденькую сироточку», которой обязательно надо поступить.

– Своим лицемерным сочувствием Варвара старается перетянуть тебя на свою сторону, – возмущалась я и, пытаясь найти в классической литературе аналог Варвары Ивановны, добавляла: – Салтыков-Щедрин образ Головлевой списал со своей матери. Видимо, так же «достала» своим самодурством...

Алина, слушая нас, заметила, что ее свекровь тоже сумела превратить домашнюю обстановку в ад, куда не хочется ступать ногой. А потому она – еще один «сохранившийся доисторический экспонат», достойный описания.

Бедная, бедная Алина, как безрадостно ей тут жилось, переживали мы всей душой. В заботах о сестренках она оживала душой и возвращалась домой с радостью, а мы ждали ее с нетерпением, с порога заваливали новостями. Мы оживленно щебетали на кухне, заливаясь веселым смехом. С приходом Алины «время Варвары» заканчивалось, и деспотичная старушка, аккумулируя в себе недовольство, до утра исчезала в своей комнате.

Нам хотелось видеть Алину отдохнувшей от незаслуженных домашних дрязг. Чтобы снова заразительным звонким колокольчиком звучал ее смех, как раньше, когда ее считали «лучом света в темном царстве». Чтобы от нее опять исходили удивительные флюиды счастья. Я вдруг почувствовала, как устала от затяжного напряжения в чужом жилище, как мне хочется все бросить и оказаться в тихой благодати родного дома.

Мне приснился удивительный сон. Сверкая солнечными бликами, возле подъезда моего дома плещется море. Волны с рокотом перекатывают друг друга и смиренно разбиваются у моих ног. По лестнице темного подъезда (странно, почему туда не попадали солнечные лучи?) спускается женщина. Ее очертания почти неразличимы, но я узнаю в ней маму. Родной человек даже в многотысячной толпе узнаваем сразу – по едва уловимому жесту, взгляду, повороту головы. Родной человек окружен ореолом твоей любви и обожания. «Мама!» – кричу я и бросаюсь ей навстречу. Но она смотрит отчужденно, осаждает холодным взглядом. И тут я замечаю в ее руках подозрительный белый конверт. «Письмо от Варвары!» – мелькает догадка.

Я всегда удивляюсь своим снам. Они создают поразительные картины и даже замысловатые сюжеты, словно приоткрывают дверку в иной мир, где без всякого нашего участия работает загадочная область мозга – подсознание. Говорят, целый день наш мозг разбирается в том, что увидели зоркие глаза, что услышали чуткие уши. Думает. К вечеру он устает. Человек засыпает, а мозг разбирается в своем хозяйстве. Обо всем, что человек видел и слышал, остаются воспоминания. Мозг их раскладывает по местам. В это время человек видит удивительные сны. К утру уборка заканчивается. Можно начинать новый день.

Этот сон, наполненный яркими красками голубого моря и солнечных бликов, неожиданно подарил мне светлую радость, вернул умиротворение уставшему организму. Перед экзаменом по истории у меня уже не оставалось сил, чтобы волноваться и трястись. Я без очереди проникла внутрь кабинета, выложила перед членами комиссии свой затасканный экзаменационный лист. Вдохнула глубоко и обреченно выдохнула. Вытащила билет.

Я сидела за столом и не могла унять дрожь. Вероника в таких случаях, чтобы побороть волнение, представляла экзаменатора в условиях обыденной жизни: вот он просыпается утром, неумытый, небритый, опухший от сна, идет в туалет и совершает *незамысловатые действия*, которые уравнивают его с простыми смертными. Картинка, нарисованная воображением, удивительным образом помогает успокоиться. Чуть улыбнувшись, я поднимаю глаза.

Экзамен принимают двое: дядька провинциальной внешности в очках и с лысиной и сердитая, усталая на вид женщина. Я прислушиваюсь к ответам, оцениваю ситуацию. От дядьки все уходят довольные, от женщины – чуть не плача. Говорят хорошо, кругленькими фразами, а преподавательница зеваает, отводит в сторону глаза или вдруг насквозь пронизывает сидящую перед ней абитуриентку испытующим взглядом:

– Ты мне на два ответила! Что тебе ставить? Что в году у тебя было?

– Пять.

– Ставлю три. Можешь идти.

Одной три, другой три, третьей. Все сидят, притаившись, тянут время, чтобы не идти к строгой тетке, а та обводит абитуриентов ровным взглядом и спрашивает:

– Нет желающих отвечать?

На рожон лезть никто не хочет. Все ждут, когда освободится место перед дядькой. И тут я, не ожидая от себя такой прыти, решительно срываюсь с места – была не была! – и словно

в омут головой. Рассказываю про буржуазные реформы 60 годов, цитирую Ленина. Строгая женщина слушает рассеянно. Изредка кивает головой:

– Так. Первый вопрос вы знаете.

Приободрившись, я говорю о коллективизации и о борьбе с правым уклоном. Перед глазами выплывает на всю жизнь обиженный дед Муха, у которого отобрали единственную лошадь, и шебертинское «Заготзерно», где трудилась тетя Серафима, таская на плечах огромные мешки с зерном. Но я рассказываю только то, что почерпнула из учебника. Вольнодумие здесь неуместно. Посчитав, что сказанного достаточно, я замолкаю. Сижу, жду приговора. В ответ тишина.

– У меня все, – напоминаю о себе спустя две минуты.

Женщина задумчиво встает. Разминает поясницу. Задает несколько вопросов. Берет экзаменационный лист.

– Пятерка была по истории?

Я виновато опускаю глаза:

– Нет, четыре.

– Что же, ты – молодец!

Я не верю своим ушам. Заглядываю в экзаменационный лист. Все верно. У меня пятерка! Упруго скатываюсь по лестнице с пятого этажа. Как мячик, скачу по длинному вестибюлю, удивляя своей резвостью вахтершу.

Вернувшись из института, я застаю следующую картину. За кухонным столом друг против друга, нос к носу, сидят две старухи. Одна, придавленная тяжестью лет, жилистая, скрюченная – наша «домомучительница» Варвара. Другая – прямая, как столб, здоровая, дюжая баба – сестра ее Дора. Они не разговаривают, а вопят, как потерпевшие, на всю квартиру, словно не слышат одна другую.

– Тебе хорошо так жить, – надрывается Варвара. – Долго проживешь! А меня тут измолтали! На полжизни раньше в могилу лягу! Я для внука живу, а они жизнь у меня отнимают!

– А у меня эти жили! – надсаживается Дора. – Засрали все в доме! Чашки! Гадко было из чашек пить после них!

– А я! – с воодушевлением подхватывает Варвара. – Все после них перемываю! Иначе ведь как? Противно посуду брать в руки! Все изгажено.

– Вот говноеды! – громогласно вторит Дора, отхлебывая чай. – Подумать только! Молодежь нынешняя, говноеды, а?! Мы как жили?

– Как уж мы жили! Хоть тоже всю жизнь у людей отирались, но научились у них: чужого не брать, всему мере знать. А эти, паршивки, как хозяйки в моем доме.

Пережевав содержимое рта беззубыми деснами, Варвара вновь берет крутую ноту и сотрясает воздух недостойными ее почтенного возраста ругательствами. Вечером, празднично вырядившись, бабушка куда-то уходит. Ночь уже окутывает землю, а она все не возвращается. Мы готовимся отойти ко сну. Вдруг раздается звонок, тревожный и раскатистый, такой силы, что в ушах гудит. Старуха, приволочшая на себе Варвару, коротко объясняет:

– Нашла ее в кустах. Иду, смотрю, кто-то лежит.

У той до невозможности страдальческий вид. Из впалой груди доносятся стоны. Старуха бережно проводит бабушку в ее спальню, укладывает на кровать.

Варвара пролежала в постели два дня и заслужила бы наше сочувствие, если бы всякий раз, когда забегала соседка Лизонька, не заходилась проклятиями в наш адрес. По просьбе больной Лизонька вызывает скорую помощь. В ожидании врачей обе громко кричат и гогочут, как гусыни. Часа через три появляются две женщины в белых халатах.

– Ну, что такое с вами?

– А вот, родные со свету сживают.

Льются тихие, слезливые сетования, произносимые скорбным, жалобливым тоном. Вероника просовывает любопытный нос в комнату, куда нам закрыт доступ.

– Поносика не было? – слышит она окончание диалога.

– Не было.

– Выпейте сердечных капель. И все!

Врачи собираются покинуть больную, не выразив сочувствия ее положению.

– Поставьте мне хоть укольчик, – жалобно просит бабушка.

– Вам не нужно укольчиков. Зачем травмировать сердце? – Врачи уходят.

– Конечно, им некогда, – оправдывается Варвара. – Это же срочная помощь, им всюду успеть надо. Лизонька, позови моего врача. Она меня хорошо знает.

Как только за Лизой закрывается дверь, Варвара бодро поднимается со смертного одра и принимается за дела. Весь следующий день она заливает простоватую соседку сладкой паточкой слов:

– Спасибо тебе, Лизонька! Большое спасибо, что вызвала скорую помощь, не дала мне умереть. Ты у меня хорошая соседка, всегда поможешь. Спряди мне мешочек шерсти.

Наконец все заканчивается. Мы достойно проходим все экзамены. Собираем свои чемоданы и ставим их за спинку дивана. Увидев чемоданы, бабушка расправляет плечи, оживает, как растение, с которого убрали камень.

Сложный в своей противоречивости характер Варвары Ивановны послужил основой к моей первой «зарисовке с натуры». Проба пера, так сказать.

Глава 3. Судьбы повороты

Никто не знает, что ожидает его за поворотом. Я не прошла по конкурсу, недобрав всего один балл. Это была трагедия, которая выбила почву из-под ног вчерашней школьницы. Вернувшись с подрезанными крылышками в родительский дом, я занялась поиском работы. Год был трудным, но время пролетело незаметно. В рабочем коллективе шумного цеха я закаляла свой характер, преодолевая трудности становления.

В конце мая, когда весна вернула к жизни надежды на лучшее, меня вызвал на аудиенцию Юрий Степанович, директор школы, где я училась. Что-то просматривая в своих бумагах и близоруко шураясь, он принялся выпрашивать меня со всей дотошностью, чем я сейчас занимаюсь, где работаю, думаю ли об учебе в высшем учебном заведении, какую общественную работу вела, будучи ученицей школы. Тронутая неожиданной отеческой заботой директора, я не удержалась от вопроса, мучившего меня на протяжении всей встречи:

– А что случилось?

То, что я услышала в ответ, повергло меня в высшую степень изумления. Как будто гром прогремел среди ясного неба, и манна небесная просыпалась на мою голову. Я на какое-то время потеряла способность соображать.

– Городской отдел народного образования получил направление в Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, – Юрий Степанович оторвался от бумаг и подслеповато прищурился. – Это крупный учебный научный центр в Москве, его выпускники работают во многих странах мира. Направление – единственное на весь город, кандидатура человека, который будет направлен на обучение, должна быть достойной. Педсовет принял решение выделить это направление вам... Как вы на это смотрите? Подумайте, посоветуйтесь с родителями...

«В Москву! В Москву!» – ликовала я, торопливо шагая домой. Я представляла растерянные лица своих родителей в тот момент, когда они услышат эту новость. Мне и во сне не снилось, что моя жизнь сделает такой крутой поворот. И так, на ходу, я перекраивала все свои дальнейшие планы.

Я прилетела в Москву полная амбиций, решительно настроенная начинать новую жизнь. Во Внуково перевела стрелки часов назад, и мой первый день в столице увеличился на целых пять часов. Это был очень длинный день, полный самых разнообразных впечатлений.

До УДН доехала на такси. Ветерок из приоткрытого окна беспорядочно трепал мои волосы. Я подставляла лицо яркому солнышку и улыбалась. Таксист поглядывал на меня искоса: ему был приятен восторг провинциалки. Наконец, притормозил возле внушительного здания с высокими колоннами, где кучковались темнокожие студенты, и, высунув голову из окна автомобиля, выкрикнул:

– Black monkeys!

– Ну, вы даете! – неодобрительно сказала я, выгружая свой багаж.

Афроамериканцы что-то кричали, махали руками и радостно улыбались. Что вызвало их столь оживленную реакцию? Мой ярко-оранжевый кримпленовый костюм? Крашенные волосы цвета соломы? «Устала?» – приветливо улыбнулся мне белозубый «баклажан», когда я присела на лавочку, чтобы наметить план дальнейших действий. Вспомнились слова одной песенки: «Под темной кожей у негра сердце тоже, оно ведь может смеяться и грустить...» Я впервые видела людей с шоколадным цветом кожи – и это было самым сильным впечатлением того дня.

В деканате мне сказали, что при отсутствии двухлетнего трудового стажа я иду как школьница, поэтому должна выдержать очень высокий конкурс – сдать экзамены минимум с тремя пятерками. Две четверки – это уже катастрофа для меня! Направление не давало никакой гарантии на поступление. До этого самого момента я наивно полагала, что обладаю бесценным пропуском в студенческую жизнь. Здесь все было с направлениями. Без направления

со мной и разговаривать не стали бы. УДН открыт для молодежи из развивающихся стран мира, а советскому студенту надо хорошо поработать локтями, чтобы пробиться в его стены.

Меня подселили к девочкам из Казахстана и Узбекистана. Они носили национальные шелковые платья и разговаривали между собой на родном языке. Одна из них, красавица Джамиля, покорила меня своим дружелюбием, и между нами с первых минут воцарилось редкое взаимопонимание. Мы жили в учебной аудитории, куда добродушный дядечка-комендант наставил раскладушек. Из окон комнаты открывался чудесный вид на густую чащу берез, где степенно прохаживались наши чернокожие собраты. На фоне ярко-зеленой листвы они были похожи на диковинных птиц с необычайным оперением.

Москву с ее высотными зданиями и широкими проспектами я полюбила с первого взгляда. Москвичи показались мне приветливыми и доброжелательными. Я намеренно искала повод, чтобы обратиться к случайному прохожему с вопросом. Будь то старичок-пенсионер с тросточкой, домохозяйка с авоськами или худощавый интеллигент в солидной шляпе, все отвечали с одинаковой вычурностью тона, словно подчеркивали свою многозначительность в этом огромном городе.

Университет с его атмосферой другого мира, привнесенного студентами из Африки, Азии, Латинской Америки, захватил мой разум. Я не переставала удивляться: какое счастье мне выпало быть здесь абитуриенткой, жить в благоустроенном студенческом городке, питаться в комфортной столовой, где гул «иностранщины» заглушал твой собственный голос. Временами я ловила себя на мысли, что скучаю по дому и хочу хотя бы на короткое время окунуться в прежнюю жизнь, но только на один денек – больше не надо! Мне эта московско-университетская жизнь нравилась безумно. Здесь я духовно увеличивалась, словно обретала крылья, чтобы вознестись к вершинам знаний. Я бы не скучала, если бы здесь училась!

Джамиля, будучи золотой медалисткой, сдавала всего один экзамен и была зачислена на медицинский факультет вне конкурса. Я же получила на экзаменах одни «четверки» и, понимая, что моя «катастрофа» уже произошла, вернулась с небес на грешную землю. Это было самым большим разочарованием в моей жизни. Все плохое, что могло случиться дальше, уже не имело значения.

Расставаясь, мы обменялись с Джамилей адресами и обещаниями писать. Домой я решила не возвращаться. Сошла с поезда в Иркутске и с чемоданом в руках направилась в институт иностранных языков имени Хо Ши Мина. Интуитивно выбрала испанское отделение – это было то, что могло восполнить мою неудачу в УДН. Теперь я могла без труда определить свои ориентиры.

Спортзал с плотными рядами раскладушек, где временно разместили приезжих абитуриентов, гудел, как растревоженный улей. Представительницы всей нашей многонациональной страны прилежно штудировали учебники, одновременно что-то поглощая, смеясь, разговаривая. Кто-то в мечтательном раздумье вязал спицами, кто-то спал, заботясь о сохранности нервной системы, всегда находились желающие попиливать на расстроенном пианино. Шум голосов поднимался под высокий потолок и множился в его сводах гулким эхом.

В той многоголосой толпе «женской абитуры» я не различала отдельных лиц. Все сливалось в общий фон, как на оживленной улице с идущими навстречу пешеходами и снующими взад-вперед автомобилями. Уже потом, когда в студенческих буднях стали отчетливо «проявляться» лица, факт совместного пребывания в спортзале вызывал бурные эмоции.

На этот раз все экзамены, за исключением английского (им не понравилось мое произношение), я сдала на «отлично».

Глава 4. Первокурсница

Снять «угол» в Ново-Ленино мне помогла Алина. В сравнении с другими «бездомными» сокурсниками, которые соглашались на любые условия ради крыши над головой, устроилась я неплохо – за десять рублей в месяц в благоустроенной квартире. Правда, до института далеко-вато, но приходилось с этим мириться. Вставала рано – и все успевала. Хозяйка квартиры, тетя Глаша, крупная, как стог сена, женщина, занимала собой все пространство. Она любила поговорить сама и послушать других. Приходилось подробно рассказывать о своих делах в институте, хотя не всегда для этого было желание. Но она была доброй и справедливой. Называла вещи своими именами. Не держала за пазухой камня. И все же у чужих людей я чувствовала себя не в своей тарелке. Если дома никого не было, я напоминала себе вора, с опаской крадущегося по скрипучим половицам.

Я с радостью погрузилась в учебу – и здесь я была, как рыба в воде. Нас с первого курса приучали относиться к будущей педагогической деятельности, как к творческому процессу. Ведь главное в профессии учителя – не только обладать огромным багажом знаний, что ставит его на голову выше других, но и уметь передать свои знания. «Я знаю – я хочу, чтобы вы это знали. Я чувствую – я хочу, чтобы вы это чувствовали. Ученик думает, что сам к этому пришел, а это вы его привели...» Во мне немедленно закопошился творческий человек, прикидывая, как поведет себя в предлагаемой ситуации.

Испанский язык нам преподносили в различных аспектах: фонетика, разговор, грамматика, домашнее чтение, анализ. Поначалу мне казалось, что я никогда не сумею правильно выговорить простейшую фразу: *Estoy de guardia hoy* (Я сегодня дежурная). Мысленно я произносила ее десятки раз, но когда озвучивала, мой язык отказывался повиноваться, я стеснялась сказать неправильно и предпочитала молчать. Преданные своему делу «професоры» стремились заложить максимум знаний в юные головы вчерашних школьников, чтобы язык заиграл всеми гранями своего богатого содержания, и всеми средствами создавали недостающую языковую среду. Нам даже урезали зимние каникулы, чтобы не пропадала практика языка. И, сами того не замечая, мы преодолели языковой барьер. Мы пели песни на испанском языке, заучивали наизусть страницы печатных текстов. В памяти оставались речевые образцы, которыми мы успешно пользовались в повседневной жизни. Сначала это были простейшие фонетические сценки, где отрабатывалась интонация. С каким удовольствием мы произносили на одном дыхании где-нибудь в автобусе набор фраз: *En la sala esta la familia Lopez. Son dos mujeres y tres hombres...* (В комнате находится семья Лопесов: две женщины и трое мужчин). Бывало, люди вздрагивали, услышав непонятную речь, и начинали пялиться на нас во все глаза. Это было приятно, немного щекотало нервы.

Пытаясь приобщиться к изучению испанского языка, Вероника с успехом освоила два слова: *completamente calvo* (совершенно лысый) и щеголяла своими познаниями при любом удобном случае.

На первом курсе из нас готовили медсестер гражданской обороны. Из институтских аудиторий мы попадали в мир болезней Кировской больницы. Как подопытных кроликов, неопытные «инязовки» мучили стариков, ожидавших своего смертного часа. Первым моим пациентом оказался тощий старик со сморщенными, как выжатый лимон, ягодицами. Иголлка гнулась и сопротивлялась, прокалывая дряблую старческую мышцу. Бедные лежачие больные! Если бы только они могли убежать и спрятаться от практикантов, тренирующих на них руку...

Училась я с удовольствием, правда, на первых порах без особых успехов. Шел процесс количественного накопления знаний, и казалось невозможным уместить в одной голове огромный объем материала. Требовалось самостоятельно работать над языком по четыре-пять часов в день. А где взять столько времени, от чего урезать? Иметь бы крылья, чтобы беспрепят-

ственно перелетать огромное расстояние от Ново-Ленино до института. Иметь бы силы, чтобы после утомительных переездов не валиться с ног от усталости, а снова браться за учебники.

Мы, студенты, жили с постоянным ощущением, что находимся в голодном краю. Блюда, приготовленные в институтской столовой, пахивали древностью и отвращали одним своим видом. Витрины магазинов были заполнены унылыми консервными банками. Как люди жили? Чем питались? Я начинала собираться в магазин, а тетя Глаша недоумевала:

– Зачем идешь в магазин? Нет там ничего. Одни банки.

– Ну и что? Кушать-то хочется.

– Ну, иди, иди!

– Вам ничего не взять?

– А что ты мне возьмешь? У меня все есть.

У нее на плите всегда стояла кастрюля наваристого борща, но кормить жиличку в ее обязанности не входило.

Временами я замечала у себя прогрессирующие признаки переутомления: сдавали нервы, «опускались крылышки», а мозг ничего не «записывал», как старая магнитофонная пленка. Однако бросать институт я не собиралась даже при самом неудачном раскладе: слишком много я получала здесь для души.

Я урывала пару-тройку дней, чтобы побывать дома. Родителям предварительно сообщалось, чтобы к моему приезду были куплены яблочки и конфетки. Несколько дней отдыха давали хорошую разрядку. Мозг снова работал четко и восприимчиво. В одном были напряжены нервы – вынужденная необходимость держать ответ перед преподавателями. Врать я не научилась с детства: родители пресекли на корню первую попытку сказать неправду, а девочки мое отсутствие оправдывали болезнью. Краснея от смущения, я поддерживала эту версию, говорила про дерматит, указанный в фиктивной справке, не умея объяснить, что это такое. Мое замешательство куратор толковала по-своему:

– Не знаете, как сказать об этом по-испански? Ну, хорошо, оставим этот вопрос.

При первой же возможности мы с Вероникой ехали в Шеберту. Если не удавалось достать билеты, ехали в холодном тамбуре, где температура воздуха казалась ниже уличной, где отвратительно грохотало лязгающее железо сцепленных между собой вагонов и мороз пробирал до костей.

Чтобы разогнать застывающую от холода кровь, Вероника, немало на своем интернатовском веку повидавшая, бойко подпрыгивает, имитируя танец. Я смотрю на свою бесшабашную сестру-авантюристку и удивляюсь, как ей удалось подбить меня на безрассудную поездку.

Нелепый смех разбирает нас до слез. Мы на время забываем о неудобствах. За окном становится совсем темно. Стуча колесами, поезд все дальше уносит нас от большого города. Проходит часа четыре, прежде чем мы, горе-путешественницы, осмеливаемся проникнуть в общий вагон. Мы забираемся на третьи полки, предназначенные для перевоза багажа. Я старательно вытираю вековой слой пыли. Вероника с ухмылкой следит за моими действиями:

– Хорошо устраиваешься, сестра, а не подумала о том, что тебя сейчас стащат отсюда?

В вагоне тепло. Измученные холодом и страхом, под размеренный стук колес мы впадаем в сладостную дрему, ни на минуту не забывая о зыбкости положения. И этот неотвратимый в своей роковой неизбежности момент наступает. Мы обе пробуждаемся от тревожного чувства. По вагону идет проводник, который проверяет билеты. Привстав на цыпочки, «удав» пристально вглядывается в неясные очертания на третьих полках. Наметанным глазом безошибочно определяет присутствие «зайцев».

– Предъявите билеты!

– У нас нет оных, – говорю я.

– А у вас? – с подобным вопросом он обращается к Веронике. Та медленно приподнимается, рукой оправляет пальто, чтобы случайно не обнажилось колено. Принимает удобное положение и в напряженной тишине всеобщего ожидания молвит:

– А мы вместе!

Коварный проводник двигается дальше, взяв на заметку местоположение безбилетников. Под утро он будит нас и кивком головы приглашает следовать за ним в тесную каморку, где получает из наших рук мятую купюру достоинством в пять рублей.

В родной деревне царит первозданное умиротворение. По замерзшим улицам мы пробираемся к своей избушке. Утопая в нехоженном снегу, Вероника торит дорожку к высоким воротам.

Старый дом встречает нелюдимым духом: холодом и запущенностью. Печку мама Валя топит редко, потому что из щелей валит дым. Мы принимаемся наводить порядок. Выбываем слежавшиеся тканые дорожки. Моем полы. Попутно с непонятным упоением гоняем старых котов, свывшихся с незыблемой тишиной. В печке весело потрескивают дрова. Дом наполняется теплом и уютом.

Только в Шеберте, где время остановило свой ход, мы с Вероникой чувствуем себя первобытными по природе. Здесь не надо подбирать выражений, которыми пользуются люди в цивилизованном мире: хватает междометий. На своей «малой родине» мы отдыхаем душой, черпаем силы, чтобы «плыть в революцию дальше».

Слух о приезде городских девочек распространяется по всей деревне. Раздается стук, и в дом вместе с клубами морозного воздуха вваливаются гости: жизнерадостный весельчак и балагур – крепыш Прохор и его двоюродный брат, полная его противоположность, высокий красавчик с туманным взором синих глаз – Николаша. После летнего продолжительного романа Прохор считает себя женихом Вероники, хотя та сомневается до последнего: он ли ее судьба? А Николаша, местный ловелас, озорной гуляка есенинского типа, намеревается добиться моего расположения. Серьезных отношений не возникает: я не желаю стать очередной победой в его длинном списке. Однако он тревожит скрытые чувства, побуждает меня к первым лирическим стихам. Стихи лишены всякой рифмы – подобие русского перевода испанских поэтов, однако передают настроение влюбленности и грусти.

Где-то и близко, и далеко
Живет человек, которому я нравлюсь,
И который нравится мне.
Он нужен мне: его глаза, руки, губы,
Кудрявая голова, отдыхающая на моих коленях,
Ласковые губы, отдающие мне его дыхание,
Нежные руки, тоже любящие меня.
Ночью, опускаясь в тихую постель, я хочу его.
Но трудный день, прожитый с беготней и шумом,
Закрывает мне глаза,
Усталостью ложится на плечи,
И я засыпаю мгновенно.
А грусть не проходит,
Накапливается толстым слоем,
Как пыль на старинном комод
В старинном доме шебертинском.

Николаша забылся, как мелькнувший за окном поезда и пропавший из виду дорожный полустанок, а смешные стихи остались. Прохор же, не в пример своему брату, вел решительное наступление на полную сомнений Веронику, не сдавая своих позиций ни под каким предлогом.

Скоро о его предстоящей женитьбе узнала вся Шеберта, только сама «невеста» вела себя так, словно речь шла не о ней.

Возвращение в город сопровождалось приключениями и новыми знакомствами, как правило, не имевшими продолжения, но помогающими нам повышать свой уровень самооценки. Мы вдруг обнаружили, что в каждом мужском взоре при нашем появлении вспыхивала заинтересованность. Незаметно для себя мы повзрослели и стали нравиться мужчинам.

Как-то вагон был забит солдатами и новобранцами. Все до единого смотрели на нас жадными глазами, словно каждый хотел откусить по кусочку. С нами в купе ехали парни, судя по всему, работяги, кочующие люди. Один из них, по имени Сергей, показался мне похожим на Николашу. Может быть, меня смутили такие же синие с поволокой глаза? Он вел себя почти высокомерно, но стоило скользнуть по нему взором, он тотчас же отрывался от книги и долго смотрел на меня.

– Как называется ваш аул? – насмешливо спрашивал он. – Есть ли у вас московский тракт? Не знаешь? Вроде, видела какую-то дорожку за опушкой?

Я выдерживала его взгляд, и глаза наши, встречаясь, не разбегались в стороны. Второй, Дима, отнесся ко мне по-братски. Мы улыбались друг другу, словно были знакомы сто лет. Когда со второй полки спрыгнул солдатик, он предложил мне занять его место.

– Ой, какая твердая подушка! – ворчала я, пристраиваясь на жестком солдатском вещмешке. – Разве на такой уснешь?

– Привыкай. Выйдешь замуж за офицера, будешь за ним ездить, придется спать на такой подушке.

– Нет, за офицера я не выйду, – возразила я. – Мне не нравятся военные.

– А что так? Все девчонки без ума от военных.

– А я – нет. Не люблю ходить по струнке.

– А за кого ты выйдешь? За работягу?

– Выйду за того, кого полюблю.

– Дело ты говоришь! – согласился Дима. Он вспоминал родную Украину, как некий уголок земного рая. – У нас такие яблоки, арбузы!

– Лучше один раз попробовать, чем много раз услышать, – резонно заметила я.

– Я пришлю тебе посылку с яблоками! – обещал Дима. – Мамане напишу, она отправит. Подъезжали к Иркутску мы самыми близкими друзьями.

– Ты жди, Настя, в середине июля, как только поспеют первые яблоки... – воскликнул Дима.

– ... мы тебе напишем! – закончил фразу Сергей.

Прощаясь, он дружески пожимал нам руки, понимая, что как только мы ступим на перрон, наши пути разойдутся навсегда. Так оно и было.

Глава 5. Люди влюбляются, женятся

Летом на острове Юности Вероника встретила Сашу, и девичье сердце сначала куда-то ухнуло, а потом заняло сладостной болью. Она знала точно – это Он! Они танцевали весь вечер, не разлучаясь ни на минуту. Маленькая, доверчивая, трогательно-беззащитная Вероника, приподняв кудрявую головку, пытливым взором притягивала к себе Сашу. Они жадно впитывали друг друга, забыв обо всех, кто находился рядом.

На следующий день в комнате, где жила Вероника, отмечали конец сессии. Пили портвейн, закусывали килькой в томате. Дух веселья витал в воздухе. Громкий смех, возбужденные разговоры волнообразно перекрывали магнитофонную музыку.

Вероника ждала Сашу, то и дело выбегая на вахту. Ее охватывала неясная тревога, что он может не прийти, как обещал накануне вечером, что непредвиденные моменты разведут их в стороны. Она уже готовилась к тому, что будет искать этого парня в огромном городе и непременно найдет, чего бы это ни стоило! Она бегала на вахту раз десять – не меньше. Саша все не появлялся! Она уныло возвращалась в комнату, ее встречали радостными криками и подливали в стакан.

Когда, наконец, пришел Саша, и Вероника, покачиваясь на неверных ножках, поспешила ему навстречу, произошло самое страшное, что вообще могло произойти в этой жизни между двумя малознакомыми молодыми людьми. Дешевый портвейн и килька в томате, не совместимые друг с другом, в едином порыве «поперли» наружу. Веронике вырвало у Саши на глазах. Девчонки увели ее и положили на кровать. Саша ушел.

Когда Вероника очнулась, ее первым побуждением была попытка подняться с кровати и отправиться на поиски Саши, чтобы извиниться за чудовищное недоразумение. Ничто не должно стать причиной их расставания сейчас, когда они нашли друг друга в этом огромном мире, где люди годами ходят рядом и не могут встретить свою половинку.

Ослабевшая, раздавленная тяжелыми мыслями, Вероника недвижимо лежала на кровати, не имея сил подняться и исполнить свое намерение. Саша пришел сам в тот же вечер, чтобы справиться о ее самочувствии. Ничто не могло разлучить их. Они были созданы друг для друга: мужественно-спокойный, очень чуткий, все понимающий Саша и говорливая, живая, как ртуть, переполненная эмоциями Вероника.

Проход оставался в неведении, какие крутые изменения произошли в жизни его «невесты», и продолжал готовиться к свадьбе. Думая о нем, Вероника испытывала неприятную ноющую боль, подобную зубной, когда все симптомы больного зуба налицо, и оперативное вмешательство неминуемо. Она заказала переговоры и долго подбирала слова, чтобы смягчить удар, который намеревалась нанести своему «жениху» неожиданным отказом. И эти слова нашлись.

– Проход, ты стал мне родным, как мать, – начала она. – Но я встретила другого. Мы любим друг друга. Это судьба. Прости!

Шебертинское население долго переваривало эту новость и даже посчитало неслыханной дерзостью то, что Вероника, вся наполненная внутренним светом, привезла своего избранника для знакомства с матерью. В тот же день к их дому подкатила машина, и несостоявшаяся свекровь, мать Прохода, хлопнув дверцей «Жигулей», бросила в лицо девушки жесткие, обидные слова:

– Стыдно так делать, девочка!

Вечером пришел подвыпивший Проход, намереваясь решить вопрос своей отставки мордобитием соперника. Но, встретив спокойный, понимающий взгляд Саши, нутром почувствовав полное единение влюбленной парочки, вдруг опустил занесенную для удара руку.

– Что ж, живите, коли так! Смотри, если обидишь... Я тебя отовсюду достану!

На свадьбе Вероники и Саши мне хотелось плакать.

С раннего детства Вероника была моей второй половинкой. Она приоткрыла дверцу в другой, полный приключений мир, где нам всегда было весело и интересно. Теперь я осталась в полном одиночестве, и все вокруг стало серым и бесцветным. Эти двое, сидящие во главе стола жених и невеста, в проволочном венчике фаты похожая на ромашку, выглядели самыми счастливыми людьми на свете. Я пыталась погасить в себе чувство, название которому – нехорошее слово «зависть». В тот момент в голове моей созревало точное определение счастья. Счастье – это чувствовать себя женой и сознавать, что у тебя есть муж. Твой, весь твой до кончиков волос, любимый мужчина.

Я думала о человеке, который неожиданно появился в моей жизни. Он мог бы сидеть сейчас рядом со мной на свадьбе моей сестры, но его не было, и я не знала, почему. Он никак не объяснил причину своего исчезновения. Просто перестал приезжать. Сопrotивляясь этой чудовищной несправедливости, я любила его всеми силами своей души и... ждала. До умопомрачения. До надрыва. Но об этом позже.

Вероника уговорила меня ехать в Шеберту. Это было нужно для обеих: после ее свадьбы мы очень отдалились, а это лишало жизнь ее полноценного содержания. Вероника без конца говорила про Сашу, словно из открытого крана лилась и лилась вода, а я страдала от неразделенных чувств, и сердце мое было задеревенелым, не способным сопереживать чужим радостям.

Мы выпили бутылку портвейна. Веронике это нужно было, чтобы до конца высказаться. Мне – чтобы дойти до сырой постели и забыться тяжелым сном. Когда пришла с работы мама Валя, мы пребывали во сне, разметавшись по подушкам. Она не заметила ничего странного в нашем поведении: пустую бутылку Вероника предусмотрительно вынесла в сени. Ярким солнечным утром, покинув немудреный шебертинский перрон, мы отправились в Иркутск.

Я напрасно поторопилась вычеркнуть себя из списка людей, нужных сестре. Мое отсутствие среди подружек, явившихся к Веронике с поздравлениями в день ее рождения, было расценено как акт предательства. Она появилась у меня на следующий день в образе кучерявой, крайне разъяренной маленькой фурии, метала гром и молнии.

– Ты почему не пришла ко мне? Сестра, самый близкий человек, нужный мне для души в этот день! – голос ее звенел и прерывался от волнения. – А еще клялись в детстве, что всю жизнь будем вместе! Ну и что с того, что у меня муж? Это не значит, что у меня нет больше сестры.

Она словно потрясла меня за плечи. Мне было плохо, и я забыла, что где-то существуют родные люди. Часа три мы ходили по улицам, врубив Сашин магнитофон, хотя погода была дрянь, и мы насквозь промерзли.

На трамвайчике мы поехали в предместье Рабочее, где жил с родителями Саша. Меня приняли тепло и радушно. Возвращалась я с приятным умиротворением: у моей сестры новая семья, но в ней нашлось местечко и для меня.

Вероника, самая светлая голова на факультете, после окончания института получила направление в областной центр. Это был Магадан, таинственный город на берегу Охотского моря, столь же далекий и непостижимый для нас, как планета Марс.

Мы снова поехали в Шеберту. Была вторая половина мая, и столь необходимое дело как посадка картошки оказалось подходящим оправданием отсутствия на занятиях. Опять поезд, третьи полки, только на этот раз мы с билетами и Сашиним магнитофоном. Вероника щелкала кнопками, переключивая кассету в поисках мелодии, наполнявшей душу неизбывной тоской. Так и ехали: устремив в потолок недвижимый взор и проглатывая подступающий к горлу ком.

Шеберта еще спала, не ведая о нашем очередном знаменательном приезде, когда в сопровождении музыкального грохота мы прыгнули на железнодорожную насыпь. Потрясенные отдаленным шумом, дворовые псы приготовились дружным лаем огласить деревенские окрестности. Около домов, выстроившихся вдоль дороги, Вероника убавила громкость.

Дома все по-старому: холодно и сыро. После направленного на уборку трудового порыва – уютно, чисто и тепло. Купив бутылку вина, мы с Вероникой идем в лес. Огородами, через заборы, с оглушающей музыкой. Мы восхищаемся милыми сердцу березами, вспоминаем босоное детство и первые влюбленности, все, что случилось с нами в Шеберте. Наши души, переполненные высокой поэзией, возносятся в заоблачные дали... Одной бутылки показалось мало, и мы отправились за второй. Деревенские пацаны, привлеченные веселой музыкой, шумной гурьбой бежали следом.

Когда вернулись в лес, в природе поднялся беспокойный ветер, безжалостно склоняя вниз верхушки деревьев. От первого глотка муската по коже побежали мурашки, противная жидкость не лезла в горло. Содрогаюсь всем телом, мы выпили до конца содержимое бутылки.

Мы лежали на сухой траве, не имея сил двигаться, и смотрели, как по бледному, линялому небу плыли лохмотья застиранных облаков. Мы глядели в небо и думали о своем предназначении, как раненный под Аустерлицем князь Болконский. Мы не пытались сдерживать слезы. Детство закончилось. Совсем скоро Вероника уедет в Магадан, далеко от всего этого, до боли родного, обустроится и заберет с собой мать. Вместе с сестрой я навсегда прощалась с Шебертой.

Пришла пора возвращаться. Дорога к дому оказалась полной непреодолимых препятствий. Перелезая через забор, Вероника падала, вставала и снова упорно пыталась покорить возникшую на пути преграду. Трудно было представить в ней будущего блестящего специалиста, который скажет свое веское слово в логопедии.

Дома я сразу бухнулась в постель, а сестра моя, «наперсница разврата», искала чего бы поесть и упустила момент, когда с работы пришла мама Валя и догадалась, что с нами что-то не так, и причина нашей «неадекватности» не что иное, как алкогольное опьянение.

Радость на лице матери, вызванная нашим долгожданным приездом, решительно сменилась негодующим отвращением. Быстрые резкие движения рук и гневное нечленораздельное мычание в полной мере выразили ее нетерпимость к отвратительному образу жизни, который мы повели, поддавшись растлевающему влиянию города.

Но до этого эпизода еще целая жизнь...

Глава 6. На острове Юности

Борис появился в моей жизни в конце первого курса. Обремененная предстоящим экзаменом по латыни, я даже в голове не держала в кого-нибудь влюбляться. Случилось это на острове Юности, именно в тот теплый июньский вечер, когда Вероника познакомилась с Сашей. С Ангары задувал прохладный ветерок, принося с собой запах речной воды и прибрежных водорослей. Освещенный фонарями танцпол, расположенный в центре острова, был заполнен до отказа. Романтичнее места для молодежных «тусовок» не существовало во всем городе. В тот вечер я забежала на танцплощадку ненадолго, чтобы развеять голову от сухой латыни, а потом вернуться к наскучившим падежным окончаниям и посвятить всю ночь зубрежке. Ничто не могло свернуть меня с намеченного пути, даже этот замечательный парень, мечта любой девчонки – высокий, плечистый, улыбчивый. Он неожиданно выступил из толпы танцующей молодежи. Впился в меня изумленными глазами, словно открыл еще одну неведомую звезду, радостно привлек к себе. Он заговорил со мной, и мне показалось, что мы знакомы сто лет, не меньше.

– Смотри, правда она похожа на ...? – обратился он к своему приятелю. – Глаза, губы, улыбка. Похожа ведь?

Его выбор пал на меня, потому что я напоминала кого-то, по всей вероятности, очень дорогого его сердцу. Его совсем не волновало то, что я могла иметь другие привычки и свой собственный характер, оказаться девушкой себе на уме и не вписаться в воображаемый образ. Уже потом, много раз возвращаясь к первым минутам этой встречи, я думала, а не было ли то пресловутое совпадение по внешнему сходству обычным предлогом для быстрого знакомства, которым пользуются ушлые ухажеры? И я, простодушно-доверчивая девчонка, так легко «купилась»! Но это было потом... А в тот теплый июньский вечер, наполненный речной свежестью и звуками музыки, я повсюду ощущала флюиды мимолетных влюбленностей, излучаемые возбужденными взорами танцующих, и, оставшись без верного сестринского плеча Вероники, наверное, напоминала девушку, которая в томлении «ждала кого-нибудь».

Музыканты на эстраде заиграли медленный танец. Борис взял меня за руку и повел в самую гущу толпы, где томно топтались тесно сплетенные парочки. В его крепких руках мне захотелось притихнуть и затаиться. И когда смолкали звуки музыки, мы уже не расставались.

Этот парень сразу нашел отклик в моей душе. Есть такие люди, которые изначально кажутся родными, предназначенными тебе, как отец и мать.

Мы покинули танцплощадку, взявшись за руки. Долго бродили по опустевшим улицам. Удивлялись тому необычному ощущению, когда на глазах таинственно засыпал неугомонный в дневной суете большой город: смолкали в отдалении звоночки трамваев, сходило на нет движение транспорта. В скверике, напротив фонтана, Борис опустился на лавочку и посадил меня на колени. Мы целовались, потеряв счет времени, и раскидистые тополя приглушенно шелестели над нами листвой. Необыкновенная, полная чудесных превращений июньская ночь незаметно перетекала в утро.

– Я буду ждать тебя завтра на той же лавочке у фонтана, – сказал Борис около общежития на Ленина-стрит, где я собиралась ночевать. – Надеюсь, к двум часам ты разберешься со своей латынью?

Охваченная приятной истомой, я растянулась на кровати. Я казалась себе маленькой девочкой, которой протянули руку и повели в таинственный мир любовных страстей. Утром ночное приключение отошло на задний план, уступив место предэкзаменационной трясучке. Я хваталась за учебники, как утопающий за соломинку, пытаясь заложить в голову побольше знаний.

Измученная от самоистязания, я решительно сложила учебники в сумку (*Омнеа mea мекум порто* – все свое ношу с собой) и поехала в институт. В запасе оставалась пара часов, чтобы где-нибудь в пустой аудитории пробежаться по спряжению глаголов, зрительно зафиксировать в памяти сто «крылатых» латинских выражений.

В кабинет экзаменатора я зашла самой последней, напоминая обреченного смертника. Из кабинета вылетела, как на крыльях, с отметкой «хорошо» и только тут вспомнила о свидании. Прошло больше часа после назначенного времени. Я безнадежно опоздала! Не сворачивая в скверик, где меня должен был ждать Борис, я напрямик направилась к общежитию Вероники.

Далее ноги сами понесли нас по улице Карла Маркса к пельменной. Хорошая порция пельменей, сдобренных маслом, вернула интерес к жизни. Отяжелев от приятной пищи, мы вышли на улицу, кишашую пешеходами и автомобилями, и... нос к носу столкнулись с Борисом и его приятелем.

– Вот так неожиданность! – воскликнула я. – Так не бывает! Мы запросто встретились в городе, где сотни тысяч людей. В одном месте, в один и тот же час.

– Ты почему не пришла? Я ждал тебя два часа! – Борис выглядел усталым, даже измученным. – Сидел на лавочке, как последний дурак.

В его голосе было столько горечи и разочарования, что я почувствовала угрызения совести. Ну, что мне стоило свернуть в скверик и убедиться в том, что Борис ушел? Нет, мне даже в голову не пришло, что он будет ждать два часа. Я стояла и улыбалась, пристально, не отрываясь, рассматривая его черты. Вчерашнее впечатление, нарисовавшее в моем воображении образ прекрасного принца, подтвердилось и при ярком солнечном свете. Широкая улыбка на моем лице выражала беспредельную радость от встречи, которую я, конечно же, восприняла как знак свыше. Мы поговорили немного и разошлись. Мы с сестрой, сытые, довольные, отправились своей дорогой. Парни, голодные и разочарованные, свернули в пельменную.

Я продолжала сдавать экзамены. Перегрузив информацией свою бедную голову, я отодвигала в сторону учебники и начинала аккуратными стопками укладывать в чемодан вещи. Зачем я это делала, трудно объяснить. Наверное, так ведет себя перед смертной казнью человек, которому не суждено вернуться назад. Тетя Глаша тарелкой борща выводила меня из транса.

После того случайного столкновения около пельменной Борис исчез из моей жизни так же неожиданно, как и появился. Значит, все-таки не судьба, подумала я и сосредоточилась на экзаменах. Зубрежка и переживания на весь период сессии затмили мысли о личной жизни. Фонетику я сдала на тройку – и это не зависело от случая. Весь год у меня фонетика шла на тройку. Надо мной нависла угроза остаться без стипендии и без жилья, повиснуть на родительской шее непосильным бременем.

Остаток лета я провела в родительском доме, обласканная вниманием и заботой, а в сентябре, появившись в Иркутске, вновь столкнулась с проблемой обретения крыши над головой. Две бездомных ночи я провела у Алины. Варвара Ивановна шипела, как уголек, политый водой, но меня спасал выработанный на недружелюбную бабуленьку «иммунитет».

В общежитии Вероники ужесточились правила: даже днем посторонних не впускали. Вахтерши чинили произвол, грубо выталкивая вон посетителей. Вероника со всей прямой своей искренней натуры восставала против деспотизма стражей порядка, устраивала на вахте гневные разборки, публично выражала намерение уйти из этого «каземата». Но ничего не помогало.

Бесприютные, мы бродили по городу, стирая ноги до кровавых мозолей. Доведенная до нужной кондиции, я пошла в деканат просить общежитие.

Вероника дожидалась меня в коридоре.

Не прошло и трех минут, как я вышла из кабинета.

– Ну, что? – Вероника сверлила меня пытливым взглядом – буравчиком.

– Что еще они могли мне сказать? – хмуро ответила я. – Нет мест – и все! Список остро-нуждающихся более ста человек. В первую очередь рассматривают тех, у кого самый низкий доход в семье. Я не стала пресмыкаться. Ушла как человек, не нуждающийся в чьей-либо милости.

– К ним надо только слева «подлезать», а для таких простофиль, как ты, у них всегда найдется, что сказать, – заключила Вероника.

Глава 7. Колхозная эпопея

Начался учебный семестр, и нам объявили, что мы едем в колхоз. Колхозную принудилровку мы восприняли как событие безрадостное, но неизбежное. Проблема обретения жилья временно отпала. Восемнадцать девчонок поселили в одной комнате на кроватях, покрытых голыми матрацами. Сдвинув кровати, мы спали в обнимку, штабелями, согреваясь друг от друга, как бурундуки.

Вечерами Катя Минаева, странная девочка со своим «космосом» в голове, рассказывала нам про неведомые галактики, откуда на летающих тарелках прибывали загадочные инопланетяне. При всем своем неверии в потустороннее окружение мы замирали от неясных предчувствий, навеянных ее убежденным тоном. А может быть, эта девчонка с пронзительным взглядом и вправду обладала редким даром видеть нечто, не постижимое нашим разумом?

Как-то мы заговорили о своей любви к испанскому языку, впитанной вместе с песнями Рафаэля.

– На фильм с участием Рафаэля «Пусть говорят» я ходила шестнадцать раз, – сказала Катя. – Просто, чтобы послушать прекрасные испанские песни. Английский язык мне тоже нравился. Одно время я мечтала стать стюардессой на международных рейсах – английский я учила в спецшколе и на качелях «лодочках» могла качаться сколько угодно.

– Ну, а что же привело тебя на испанское отделение? – поинтересовалась я.

– Когда в Чили произошел путч, и по радио зазвучали песни Виктора Хары и Дина Риды, я была очарована музыкой испанского языка и объявила родителям, что поеду в Иркутск поступать на испанское отделение. «Только через мой труп!» – такова была реакция моей мамы. Но в середине июля мы с одноклассницей Светой все же улетели в Иркутск, чтобы поступить на подготовительные курсы. Это был мой первый в жизни полет. Свету ужасно укачивало, а меня – нисколько, только уши закладывало... После неудачных попыток снять комнату неподалеку от института мы получили в деканате ордера на заселение в общежитие по улице Ленина, 17. С огромным чемоданом, обитым железными уголками, и самыми радужными надеждами я постучалась в дверь комендантши. Та подозрительно оглядела меня с ног до головы и сказала, что селить никого не будет, дескать, начну водить к себе мужиков и устраивать пьянки, а ей здесь бардак не нужен.

– Интересно, что в твоей внешности могло навести на такую мысль? – подала голос проф-орг нашей группы Женя Клыкова. Она всегда говорила то, что думала. – Юбка до колен, туфли на низком каблуке, ни декольте, ни косметики....

– Вот и я мельком глянула на себя в зеркало, – согласилась Катя, – однако спорить не стала и с чемоданом в руках поплелась обратно в деканат. Общежитие по Байкальской было на ремонте, и нас, абитуриентов, временно разместили в спортзале. Какую-никакую, но крышу над головой мы получили!

– Так ты тоже из спортзала? – удивилась я. – А где стояла твоя раскладушка?

Хомутово считался колхозом-миллионером. В поселке были цивилизованные магазины городского типа, клуб и почта. Однако в кино мы не ходили – боялись возвращаться назад в кромешной темноте, при полном отсутствии освещения. Однажды мы все же выбрались в клуб. В тот вечер показывали новый фильм «Усатый нянь». Ближе к концу фильма в темном зале кто-то затеял ссору. И вдруг в экран вонзился прилетевший из задних рядов нож. Испуганные, мы выскочили из клуба и почти бегом вернулись в свою старую школу. Не успели отдышаться и обсудить деревенские страсти-мордасти, как в дверь ввалились двое местных парней, оба с тяжелыми ножевыми ранениями. Вид кровоточащих ран вызвал всеобщую оторопь.

В то время как мы толпились в растерянности около пострадавших парней, забыв о приобретенных навыках медсестер, Катя Минаева уверенно приступила к делу. Одному наложила

жгут на бедренную артерию, другому, раненному в грудь, туго прибинтовала кусок полиэтилена, чтобы в открытую рану не попадал воздух. Кто-то по ее указанию побежал за машиной, чтобы отвезти пострадавших в больницу.

Первые дни погода стояла промозглая. Начинался дождь, и мы дрогли на брюквенном поле, как собачонки, которых не пускал в дом жестокосердый хозяин. К счастью, неподалеку в бытовке механизаторов оказалась печка. Этот крошечный источник тепла стал единственным спасением от сырости. Когда переставал капать дождик, мы дергали из грязной земли брюкву и бросали на поле, а потом подбирали тяжелые головки и грузили в машины. Работа наша гроша не стоила. Поговаривали, что большая часть выдернутой брюквы останется под снегом, и это лучше, чем сгниет в навозе в коровнике.

Брошенные на необъятное поле, мы не видели стимулов, чтобы работать достойно. Прогнав по рядку, метров пятьсот, мы валились на солому и, коротая в разговорах время, дожидались грузовика. На обед ехали с веселыми испанскими песнями. Знание языка объединяло, как общая тайна.

Задорные студентки, распеваящие песни на непонятном иностранном языке, привлекали повышенное внимание сельской молодежи. Подвыпив для храбрости, парни с криками вламывались к нам в комнату, когда мы лежали на кроватях, читая перед сном:

– А-а, вы тут с книжками? Что, шибко умные?

Как-то, устроив себе небольшой отдых, мы разбрелись по лесу в поисках брусники и грибов. Паша Беликов, предмет всеобщих насмешек и подтрунивания, увязался за Катей Минаевой. Слово за слово, между ними завязался доверительный разговор.

– Почему ты позволяешь другим так обидно подшучивать над тобой? – спросила Катя. – Мужчина не должен быть «тютей», которого будут унижать только потому, что он не способен дать отпор обидчикам.

– Да, это так, – согласился парень. – Меня воспитывали мама и бабушка, и отсутствие мужского начала в семье сыграло свою роль.

Беседуя, они вышли на просеку, в конце которой уже просматривалась деревня. Вдруг из леса выехали верхом на коне трое мальчишек и, не спешиваясь, стали теснить «городских». Спрыгнув с коня, двое старших набросились на Пашу, ударили по лицу, сбили очки. Катя кинулась загораживать его собой, но пьяные молодчики доставали кулаками мимо ее головы. «Мы отпустим этого очкарика, если ты останешься с нами!» – сказал один из них. Паша подобрал очки, вытер разбитый нос и пошел в деревню. Тем временем двое старших схватили девушку и потащили под деревья. Их качало из стороны в сторону – они были пьяные вусмерть.

Катино отсутствие было замечено только за ужином, когда все собрались вместе. «Волонтеры» тут же отправились на поиски, разбились на группы и начали прочесывать лес. В непроглядной тьме кто-то заметил далекий огонек костра. Картина, которую мы увидели, подойдя ближе, никак не вязалась с пережитыми страхами и волнением за пропавшую девушку. Катя сидела у костра, целая и невредимая, а деревенские «налетчики», затаив дыхание и раскрыв рты, слушали ее рассказы об упырях и вурдалаках, о снежных людях и пришельцах с неведомых планет. Когда встревоженная толпа «городских» выступила из темноты, и ее зачарованные слушатели зашарили вокруг себя в поисках средств для самозащиты, она остановила их одним взмахом руки: успокойтесь, драки не будет.

– А ты домой собираешься? – поинтересовался преподаватель, возглавивший поиски.

– Конечно. Вы идите, а я за вами.

Толпа развернулась и направилась в сторону деревни, роняя возмущенные реплики:

– А кого, собственно, мы вообще искали?

Катя вернулась в деревню в сопровождении своих новых друзей, которые проводили ее до первых домов.

– А того очкарика мы все равно будем бить, – пообещали парни, – уже за то, что бросил девушку в беде. А ты – молодец, не растерялась. Смелая девчонка!

На следующее утро Паша уехал обратно в город. Возможно, ему было стыдно смотреть нам в глаза. А может быть, он серьезно опасался расправы, обещанной местными мальчишками. Потом этот Паша прославится тем, что в знак протеста против двойки, которую получил вполне заслуженно, спрыгнет со второго этажа. Ходить он не сможет из-за трещин в лодыжках – и наши парни, сцепив руки в виде сидения, будут носить его в травмопункт. У преподавательницы, фамилия которой фигурировала в этой истории, будут большие неприятности на кафедре и факультете.

Когда колхозная эпопея подходила к концу, Катины знакомые парни неожиданно появились в студенческом стане. Мы увидели их, возвращаясь с поля. Они по-хозяйски рубили дрова и пекли на костре картошку. На прощальных посиделках у костра всю ночь пели под гитару. Извечному противостоянию городских и деревенских удалось положить конец, и роль миротворца сыграла «странная» девочка Катя Минаева.

Наконец нас вывезли в Иркутск. В день возвращения из глухой провинции я любила этот город как никогда. Все было дорого моему глазу: чистые, выметенные улицы, расцвеченные всеми красками осени деревья, умытые дождем здания. А более всего – людское столпотворение, подтверждающее, что жизнь не стояла на месте. Я бездумно шла туда, куда вела меня толпа, и это доставляло мне огромное удовольствие.

Глава 8. Преимущества общежития

Сам собой решился и вопрос жилья. Петрова Ася, она же Петросян, пригласила меня жить у знакомой бабки в частном доме в отдаленном промышленном районе города. В маленькой комнатке, занятой широкой кроватью, передвигаться можно было только бочком. Но мы привыкли. Простора хватало в институтских аудиториях. Бабка оказалась покладистой, без всякого норова. Имела маленькое «хобби» – продавала около магазина капусту, морковь. Что-то на барахолку возила. Спать ложилась рано, но в любой момент могла проснуться и сказать, что пора гасить свет. Сама свет не зажигала до тех пор, пока не переставала видеть кончик своего носа. В дела жиличек не лезла. Иногда приглашала к столу отведать своей «стряпни». Готовила дурно. Для наших «утонченных» желудков эта пища казалась грубой, но мы не показывали вида. Грех было обижать старушку черной неблагодарностью.

Что касалось еды, мы не терпели нужды. У нас имелись домашние припасы: тушенка, яйца, варенье. Ася жила в Черемхово и время от времени навещала домой за пополнением. Приходили из института и, пока топились печка, жарили картошку. На столе было все и, не в пример первому курсу, нас не мучило желание поест «домашнего».

Выпал снег. С наступлением холодов стало очень трудно добираться до института. Переполненные автобусы проходили мимо, не останавливаясь, и обитатели «периферии» подолгу дрогли на остановке. Но мы не роптали. Жизнь научила нас стойко переносить все невзгоды.

Вставать приучились рано. С четырех часов просыпались и ждали будильника. Когда Петросян ночевала без меня, она просыпалась еще раньше, с трех часов, и все смотрела на будильник, боясь проспать. Иногда мы ехали в Черемхово вдвоем. В семье Петросяна все было по-деревенски незамысловато и просто. Мы мылись в настоящей баньке, спали на больших подушках.

Училась я добросовестно. Занятий не пропускала, понимая, что пропущенная лекция – не отдых для организма, а неудобство, которое впоследствии обернется множеством хлопот.

Конец октября ознаменовался значительным событием. Двое из нашей группы поженились, и для только что образованной ячейки общества под фамилией Бекасовы выделили отдельную комнату.

Когда освободилось одно койко-место в комнате девочек, все «остронуждающиеся» поспешили заявить свои права. Началась настоящая борьба. В ход были пущены все средства. Одна из активисток профкома все силы положила на то, чтобы выбить молодоженам отдельную комнату. Она ни минуты не сомневалась, что готовила место для себя.

Но вопрос, кто будет жить в комнате, решали на другом уровне, обходя стороной и деканат, и профком. Девочки из этой комнаты, предварительно обсудив все кандидатуры, сказали, что возьмут только меня. Женька Клыкова, профорг группы, с деловым видом бегала по институтским коридорам, выбивая мне ордер. Она вела себя так, словно ее слово было последним и обсуждению не подлежало. Ни в деканате, ни в профкоме!

Я была безмерно благодарна девчонкам. Одно смущало: Петросян не хотела оставаться у бабки, и мне было стыдно бросать подругу, думая только о своем благополучии. Я перевезла в общежитие вещи, попрощалась с бабкой. В сравнении с комнатой, где мне предстояло жить, обитель старушки показалась темной дырой. Собрав в узел постель, Петросян подалась вслед за мной и нелегально разместилась в умывальной комнате. Обитала она там недолго, потому что оказалась беременной на большом сроке и вскоре покинула институт, выйдя замуж.

Когда я поселилась в комнате, здесь уже существовал свой особый микроклимат, и первые дни я присматривалась к девчонкам, пытаясь понять, какое место занимала каждая из них в этой студенческой семейке.

Заправляла хозяйством, без сомнения, Женька Клыкова, групповой профорг. Она всегда знала, как поступить, какое решение в данной ситуации будет единственно верным. Все проблемы в комнате решались с ее негласного осуждения или одобрения. Я мысленно приклеила Женьке «ярлычок» – *el ama de llaves*. В переводе с испанского языка это означало «хозяйка ключей» и очень верно определяло ее сущность держать ситуацию под контролем. Она любила поговорить, для нее это было так же естественно, как и дышать, и комната всегда была заполнена ее воркующим говором. Некоторые жизненные сюжеты мы слушали по второму разу, но несколько в другой интерпретации.

Дух спортивной закалки, которым должна обладать каждая девушка, поддерживала Илюшина Таня из Киргизии. Ее тело было гладким и мускулистым, как у тренированного паренька, настроение – веселым и заводным. Правда, в глазах частенько появлялась тихая грусть, происхождение которой не все знали, поскольку в свои дела она посвящала только Женьку. Но я видела, что иногда Таня плакала за шторой, и это было связано с ее парнем Юркой.

Таня увлеченно знакомила нас с национальным колоритом своей малой родины, расширяла кругозор тех, кто «дальше своего села не выезжал». Она положила начало хорошей традиции – показывать подругам родной город. С Женей они подружились на первом курсе, и летом та ездила к ней в гости в ее родной Пржевальск. От той поездки у Жени остались незабываемые впечатления, которыми она делилась при всяком удобном случае. Как, проезжая мимо мусульманского кладбища и восхищаясь красотой надгробий и ухоженностью могил, услышала от русского водителя такси кощунственные слова: «Этой бы красоты да вокруг Иссык-Куля в три ряда...» До той минуты Женя была убеждена в реальности дружбы народов СССР, о которой писали газеты. Оказалось, не все было так хорошо с той дружбой. Как будучи в гостях у Тани, спала в саду под яблоней, с которой свисали краснобокие яблоки, и утром просыпалась раньше всех от слепящих лучей восходящего солнца.

Вечерами за скудным общежитским чаепитием девочки вспоминали вкусные киргизские блюда: лагман, фунчозу, ашлянфу... И восхождение в горы – туда, где растут знаменитые тяньшаньские ели, пирамидальные красавицы. И долгий путь по жаре все время вверх. И ледяную воду из горного ручья. И обширные заросли цветущей конопли, изобилующие сырьем для наркотиков, которые никто не уничтожал.

О ночной поездке на озеро Иссык-Куль девчонки говорили с благоговением: в купании под звездами было столько удовольствия. Раздетые донага, они лежали на абсолютно спокойной, без единой морщинки поверхности озера, вытянувшись во весь рост и рассматривая звезды. Ночи были ясными, и над их головами, точно посередине небосвода, простирался четко видимый Млечный путь.

Спортсменка Таня ввела для нас ежедневный тренинг – упражнение в виде катания на бедре. Процесс вскидывания напарника «на бедро» через ловкую подножку требовал определенной изворотливости и сноровки. Этот «тренинг» сопровождался приступами бурного смеха, легко поднимал упавшее настроение. Таня никогда не поддавалась унынию, и рядом с ней меня не покидала уверенность в том, что «*la fe mueve las montañas*» (вера сдвигает горы).

В этой же комнате жила староста группы Задорожная Надя. Ее могли называть Эсперансой, что в переводе с испанского значило «надежда». Само имя делало ее причастной к таинству под названием «испанский язык». Путь к освоению испанского языка у Надежды был долгим и целеустремленным. Два года подряд сдавала экзамены в Пятигорский иняз на испанское отделение и оба раза не поступила из-за высокого конкурса – надо было сдать всё на пятёрки. Устраивалась на работу то библиотекарем, то почтальоном, то лаборанткой. Даже водителем электрокара на автомобильном заводе в родном городе Миасс, чтобы получить рабочий стаж. Наде все ее «работы» нравились – везде она работала с душой. Летом, взяв отпуск, поехала поступать в Иркутск, в совершенно незнакомый город. Успешно сдала экзамены, но именно в тот год на испанском отделении проводили эксперимент: в первую очередь принимали тех,

кто изучал испанский язык в школе. Это были девочки из Бурятии, с довольно слабыми знаниями, но их-то и взяли. На другой год история повторилась: одну группу набирали с испанским, две другие – с английским. Пройдя жесткие условия конкурсного отбора, Надежда оказалась в числе сильнейших.

Обладая такими качествами, как мечтательность и романтичность, когда дело касалось выполнения обязанностей старосты, девушка проявляла нестигаемую требовательность к посещению занятий и при этом умудрялась не быть «службой двух господ». Она педантично делала свое дело, невзирая на лица, и даже студенческий бунт против «деспотичности» старосты оказался бессильным изменить ее линию поведения.

Для «своих» Эсперанса стала «элементарной Надькой», фанатично преданной творчеству испанского певца Рафаэля. В день рождения кумира она покупала красную розу и устраивала в комнате настоящее торжество. Мы вкушали ананас, Надин фирменный торт в виде муравейника и прочие лакомства и в обмен на «праздник живота» целый день слушали не только хорошо известные, но и малознакомые «заунывные» песни популярного испанца, которых было значительно больше в ее музыкальной коллекции. Своеобразный характер Эсперансы я определила строчками из песен Рафаэля: «Digan lo que digan» (Пусть говорят) и «Sea lo que sea» (Будь что будет).

Я с радостью окунулась в кипучую жизнь *общего жития*. Общение с девчонками, неизменное присутствие дружеского локтя не шли ни в какое сравнение с одиноким обитанием в съемных квартирах, где карался осуждением каждый шаг, отсутствовала возможность для творческого развития.

Вечерами мы, четыре умные головки, сидели вокруг большого стола и делали уроки. Возникающие при подготовке домашнего чтения трудности преодолевали общими усилиями. Не всегда хватало слов, чтобы равнозначными понятиями транслировать глубокие мысли испаноязычных авторов. К примеру, «крик души», как эмоциональное состояние человека, нельзя передавать теми же словами, что и «крик осла». Нужно было очень хорошо постараться, чтобы переводимые предложения не напоминали неряшливо одетых людей. Мы и старались.

Стремясь приблизить к себе литературные образы, мы щедро награждали друг друга эпитетами. Ах, какое это было веселье – незримо присутствовать в замысловатых авторских сюжетах! Взрывы дружного смеха сопровождали пылкий поиск языковых эквивалентов.

Подлинная испаноязычная литература познакомила нас с «непереводимым языком постели». Чего значили только эти строчки: «Обнимаясь, ласкаясь, они изощрялись в поцелуях: поцелуях-словах, поцелуях-укусах... незрячие, беспомощные, плачущие потом» в то время, как советская литература избегала всяких намеков на присутствие сексуальных отношений между мужчиной и женщиной, видя в их союзе единственное назначение – создание семьи как ячейки социалистического общества.

Постоянной гостьей комнаты была добродушная «домашняя» девочка Галка Ермошина, Hermosa. Мы видели, как ей хотелось ощущать себя членом дружного студенческого сообщества, как чутко она к нам приглядывалась, пытаясь попасть в общую струю веселья. Находясь в изолированной домашней среде, в чем-то она оставалась другой, не похожей на студенток, живущих под общим кровом. На свой день рождения Галка приглашала всю группу. Они с матерью старались заставить стол обилием вкусных блюд, пропустить которые было невозможно. Мы возвращались к себе отяжелевшие, заморенные едой. Из рекреации третьего этажа, где проходили танцы, доносились зазывные звуки музыки. Однако мы дружно валились спать, изменяя привычке пойти повеселиться.

Глава 9. Вечер испанской кухни

Второй курс испанского отделения проявил необычайную активность в подготовке вечера испанской кухни. Были приглашены студенты политехнического института. В помещении интерклуба на покрытых скатертью столах красовались приготовленные вскладчину салатик «хирасолы» (подсолнухи), украшенные «семечками» из кусочков маслин и «лепестками» из поджаренной картошки. В укромном месте дожидалась своего часа большая кастрюля «испанского блюда». Это была сборная солянка с колбасками, ветчиной, зеленым горошком и другими доступными компонентами.

Вступительная часть была короткой: присутствующих не стали утомлять долгим рассказом о традициях испаноязычных народов. Бравые «кубинские» ребята, Женя Клыкова и Таня Илюшина, перебирая в руках самодельные сомбреро, исполнили «Гуантанамеру». Гибкая, как тростинка, Лиза Яворская, облаченная в красно-черное платье с воланами и рюшами по низу подола, прошлась в болеро между столиками, нагнетая испаноязычную атмосферу встречи. За танцем последовали стихи Гарсиа Лорки «Когда я умру, оставьте балкон открытым...», песня «Поедем на ярмарку, моя смуглянка из Сан-Андреса». Наконец, приступили к угощениям и танцам, и приглашенный народ, как по указанию, сбросил с себя первоначальную скованность.

Когда веселье достигло самого разгара, появился высокий парень в голубой рубашке. Он примкнул к своим друзьям и органично вписался в круг танцующих, легко поддаваясь ритмам музыки, не делая усилий над своим телом. «Наш человек!» – одобрительно подумала я и вдруг встретила глазами с его летящим поверху взглядом. Это был Борис. Неожиданно он сделал шаг навстречу и притянул меня к себе: «А эту девушку я знаю!» Казалось, он для того только и появился, чтобы забрать меня в свою «охапку».

Наступил момент истины. Все вдруг стало неважным: музыка, танцы, веселье. Все, что происходило вокруг, поблекло, перестало существовать. Имело значение только то, что мы, когда-то потерявшись, по воле того же случая встретились снова. Мы взялись за руки, не сговариваясь, как тогда, на танцплощадке, и покинули клуб. Отыскивали тихую рекреацию на этаже.

– Судьба милостиво подарила нам еще один шанс? – спросила я, устремляя на него счастливые глаза.

– Ты думаешь, наша встреча – случайность? Я искал тебя, – признался Борис. – Что-то подсказало мне, что на этом вечере мы встретимся. Я стоял в коридоре и смотрел на танцующих. И вдруг увидел тебя. Если бы тебя там не было, я не стал бы даже заходить.

Мы приникли друг к другу в бесконечном поцелуе, как жаждущие странники, обнаружившие в пустыне родник с ключевой водой. От пережитых страстей вдруг пришла смертельная усталость. Борис присел на корточки и усадил меня на колени. И так, в объятиях друг друга, мы сидели долго-долго, боясь вспугнуть свое счастье, не имея сил, чтобы расстаться.

С этого дня вся моя жизнь превратилась в сплошное ожидание встреч. Куда бы я ни шла и что бы ни делала, Борис присутствовал в моих мыслях как идея-фикс. Бывало, что я задерживалась в институте и, вернувшись в общежитие, узнавала, что он приходил, ждал меня, выражал недоумение по поводу моего длительного отсутствия. Девчонки развлекали приятного гостя разговорами, перенимали у него приемы спортивной борьбы, устраивая в комнате веселую потасовку, этакую кучу-малу, в которую он складывал всех поочередно.

Я испытывала колючую ревность, слушая их рассказы, страдала от того, что не обрела радости от пропущенной встречи. Довольствовалась запиской, в которой Борис просил дождаться его в следующую субботу. В назначенный день я не покидала комнату, но он не появлялся. Когда, потеряв надежду на встречу, я шла по своим делам, он приходил и снова не заста-

вал меня дома. Однако, радость, что он есть и думает обо мне, не оставляла сердце. Я летала, как на крыльях, и неведомый кураж распирали душу.

Когда мы встречались, я не умела, как другие, тихо наслаждаться своим счастьем. Мне обязательно надо было показать свой непростой характер. Заставить Бориса «побегать» за мной. Дать понять, что его победа будет нелегкой. Я боялась, что стану скучной для него, и изошрялась в *выкрутасах*, чтобы не было «застоя» в отношениях. И все от излишней уверенности в том, что этот парень никуда от меня не денется.

Борис не умел разбираться в тонкостях моего насмешливого тона, даже не догадывался, что на самом деле я всячески пыталась скрывать свои подлинные чувства. Все испанское отделение знало, *как* я его любила. Он один не знал. Почему-то из меня так и лез этот самый кураж, вызывая у парня замешательство. Он получал «встряску» и не мог понять линию моего поведения. Будь он мудрее, он принял бы меня такой, какая я есть. Вся «шелуха» в виде непонятных выходов отвалилась бы сама собой. Но этот парень тоже знал себе цену.

Наступил новый год. Когда кремлевские куранты пробили полночь, все – и обитатели общежития, и их гости – повалили в коридор. Разбивали о бетонные полы бутылки из-под шампанского и стаканы. Чем больше стекла и звона, тем больше веселья и счастья обещалось в наступающем году. В коридорах царило столпотворение. Обнимались все подряд: знакомые, незнакомые. Вся общага в экстазе встала «на дыбки». Вакханалия веселья и радости среди битого стекла и новогодней мишуры наутро закончилась грандиозной уборкой коридора.

Началась зимняя сессия, которая в свете новогодних праздников имела свои отличительные черты: днем спали, а ночью готовились. Экзамены сдавали на пределе человеческих возможностей.

На самый разгар сессии пришелся мой день рождения, когда я могла собрать под свое крыло всех близких моему сердцу людей. Когда этот день наступил, комната не вместила собравшихся. Одноклассник Новоселов, приглашенный исключительно по просьбе Женьки, привел своих друзей, «чтобы девчонки не скучали». Борис тоже пришел не один, с товарищами. Все они были маленького роста и рядом с ним не выдерживали конкуренции, а потому в кавалеры не годились. Поначалу, увидев в комнате столпотворение, он слегка растерялся. Однако оторопь его длилась всего один миг. Ему хватило считанных секунд, чтобы выработать верное решение. Он вынул из кармана пачку денег, отсчитал несколько купюр и отправил посыльного за вином. Тот вернулся с чувством выполненного долга, влача тяжелую авоську «противотанковых» бутылок. Досадное недоразумение с избытком незваных гостей прошло незамеченным. За столом не сидели – непозволительная роскошь при нехватке мест! Гости стояли плотным кольцом, плечом к плечу, протягивая руки за закуской. Все приготовленные блюда смели в два счета. Оживленные голоса, музыка, смех – все слилось в единый гул веселья и радости.

Под действием вина во мне открывались невидимые шлюзы: душа не умещалась в телесной оболочке, выплескивалась через край.

– Лю-ю-ди-и! Я вас люблю! – кричала я, высунув голову в форточку. Мое счастье в тот вечер просто зашкаливало. Оставив гостей, забыв про все на свете, мы с Борисом целовались в темной рекреации. Мой безгранично счастливый полет в небесах не вызывал пресыщения. Когда вернулись в комнату, веселье угасало, как прогоревший костер, и самый большой наплыв гостей разошелся по домам. Пришла пора укладываться спать. На узких кроватях, перешептываясь, разместились по парам. Общение продолжалось в темноте, под приглушенную музыку.

– Я хочу тебя! – Борис горел желанием немедленно приступить к делу, не заботясь о романтической обстановке торжественного в жизни каждой девушки момента.

– Я тоже хочу тебя! – отвечала я, не зная, куда деться от его настойчивых рук. – Хотеть человека – это желание видеть его, дышать одним воздухом, смотреть в глаза и быть рядом.

Просто быть рядом. Любовь – это глубокое понимание того, что кто-то завершает тебя, делает тебя замкнутым кругом.

– Ты совсем маленькая, не понимаешь, да? Если девушка ложится в постель с мужчиной, это значит, что она согласна на близкие отношения. Ты думаешь, я смогу всю ночь пролежать, не прикасаясь к тебе? По-твоему, я железный?

– Но ведь мы не одни в комнате! Тебя это не смущает?

– Им нет до нас дела. Возможно, они заняты тем же.

– Здесь никто и никогда, по крайней мере, при мне не занимался подобными вещами!

По-твоему, *это* можно позволить каждому, кто лег в твою постель?

– Ты хочешь сказать, что я для тебя «каждый»? Скажи, а ты пошла бы за меня замуж?

Я могла бы сказать в ответ, что жить и дышать без него не могу, неужели он этого не видит? Но, посчитав вопрос риторическим, я промолчала... Утром все разом проснулись. По количеству пустых бутылок, раскатанных по углам, и затоптанному полу оценили размах вчерашнего веселья. На дне трехлитровой банки, приспособленной под аквариум, жалко трепыхались рыбки – кто-то из гостей выпил воду... Засучив рукава, я, как виновница торжества и сопричастного с ним беспорядка, взялась за уборку.

Через неделю мы получили от Бориса ответное приглашение в гости. В аскетически скромной, чисто убранной комнате общежития был накрыт стол: красивые бутылки, приличная по студенческим меркам закуска.

Вино теплым током уже бежало по «проводам», оживляя скучные стены общежития, когда Борис куда-то исчез, прихватив с собой Илюшину. Какая-то тайна соединяла их: за столом они заговорщицки переглядывались, не считая нужным посвящать кого-либо в свои дела. Может быть, они отправились искать по общежитию Юрку? А может... (тут я просто цепенела от ужасных видений) целовались в укромном местечке? Может быть, с того времени, когда они в мое отсутствие старательно «отрабатывали» приемы спортивной борьбы, млея от телесных прикосновений, их души неудержимо потянулись навстречу друг другу? Я бросала на дверь тревожные взгляды и мучительно ожидала их возвращения.

Все разошлись. Изрядно захмелевший приятель Бориса, игравший роль услужливого денди, оставил свои ухаживания и – не успела я опомниться – впился в мои губы долгим поцелуем. В это время в комнату зашел Борис. Он был чем-то расстроен, однако увиденная картина потрясла его еще больше.

– А ты, мой самый близкий друг, как *ты* мог?

После того вечера Борис забыл к нам дорогу. Перестал приезжать, как ножом отрезал. Я не могла найти себе места. Мне было очень плохо. Хуже не бывает. Ермошка тщетно пыталась войти в резонанс с моим настроением.

– Ты меня любишь, Настена? – спрашивала она, доверяя мне сокровенные тайны. Я пропускала мимо ушей ермошкины секреты. В голове был один Боря, как свет в окошке. «Я Борю люблю, – отвечала я, – люблю так, что если бы я умерла, и он прошел мимо моей могилы, из самой глубины земли я услышала бы его шаги». Галка почему-то обижалась.

Экзамены зимней сессии не были нашей единственной заботой, требующей полной самоотдачи. Я занималась журналистикой на факультете общественных профессий, и зарисовка о сельской учительнице была моим зачетным заданием. В жгучий январский мороз я отправилась в село Мамоны. В семье учительницы меня встретили с необычайным радушием: накормили, напоили, обогрели. Удивительные люди! Они восприняли меня, как светлый лучик, нечаянно промелькнувший в однообразной жизни. Прощаясь, хозяйка стала заворачивать в газету кусок сала и в ответ на мой полный недоумения взгляд решительно заявила: «Бери, бери! Девчонки поедят», а муж, забыв про мороз, кинулся насыпать картошку. Маленькая девчушка стояла у двери, готовая заплакать, ей не хотелось расставаться с городской гостьей.

В ожидании обратного автобуса я промерзла на остановке до костей, но душу согревало тепло гостеприимного дома.

Зарисовку напечатали в газете «Ангарские огни». Статья получилась большая и принесла мне кусочек славы. Заведующий кафедрой журналистики пел мне хвалебные оды и даже предложил выступить на областном слете селькоров. Я отказалась, не соблазняясь даже дополнительными каникулами. Мне было не до выступлений. Борис мне снился каждую ночь. «Поехали ко мне в гости, я покажу тебе Зиму, – настаивал он. – Поехали, я серьезно!» Я просыпалась радостная, окрыленная верой. Однако его каникулы заканчивались, а он так и не появился.

Окончание экзаменов отметили большим праздником. Веселье било ключом. Я едва нашла в себе силы, чтобы добраться до своей кровати, но, как только пришла в себя, стала собираться в дорогу: «Я поеду к Боре!» Все уговоры не делать этого оказались бесполезными.

– Я полна решимости разрубить, наконец, этот гордиев узел и узнать, куда подевался мой парень, – упрямо твердила я. Ермошка, единственная трезвая голова, вызвалась меня сопровождать. Долгая поездка в холодном трамвае на другую сторону Ангары оказалась безуспешной: в комнате Бориса никого не было.

Домой на каникулы я поехала с Галкой и Женькой. Я знала, что и я, и мои подруги – все одинаково будем обласканы маминой заботой и вниманием. Выходя из самолета, я была уверена, что сразу увижу отца среди встречающих. Так оно и было – его служебный «уазик» терпеливо поджидал нас в аэропорту. При всей своей занятости отец оставлял дела ради того, чтобы встретить любимую дочь. Дома ожидал искусно приготовленный завтрак и... la sonrisa de mama (улыбка мамы), полная радушия и гостеприимства.

Три дня промелькнули, как один миг, сменой картинок в пестром калейдоскопе. Вот мы на санно-лыжной трассе, и похожие на завернутых кукол саночки, ведомые огромной скоростью по крутым виражам, стремительно проносятся мимо, обдавая наши восторженные лица легкими снежными брызгами. Вот мы расслабленно сидим за столиком бара и, обозревая с высоты одиннадцатого этажа панораму города, неспешно тянем через трубочки коктейль. А вот мы уже на плотине Братской ГЭС. Спускаемся по крутой натопанной тропинке, ведущей к месту, где отвесные скалы, поросшие редкими столбиками сосен, прямо под ногами обрываются в бездну. И вдруг глазам открывается потрясающая великолепием картина: полный обзор реки, перегороденной гигантской плотиной. Покорившись воле человека, Ангара несет свои воды величественно и важно. Среди заснеженных берегов, под сумрачным ненастным небом, они кажутся темными и печальными.

Согласно легенде, Ангара была единственной дочерью старика-Байкала. В давние времена могучий Байкал имел добрый и веселый нрав. Пуще своего сердца он берег свою красавицу-дочь, никуда от себя не отпускал. Но однажды своевольная Ангара решила убежать к своему возлюбленному Енисею. Проснулся отец, гневно всплеснул волнами. Поднялась свирепая буря, почернело небо, звери в страхе разбежались по всей земле, рыбы нырнули на самое дно, а птицы улетели к солнцу. Только ветер выл, да бесновалась вода. Могучий Байкал ударил по высокой скале и бросил ее вслед убегающей дочери. Скала упала прямо на горло красавице. Взмолилась Ангара, задыхаясь и рыдая, стала умолять отца дать ей хоть каплю воды. «Я могу дать только свои слезы», – ответил Байкал. И с тех пор уже тысячу лет бежит Ангара к Енисею слезами старого Байкала...

Памятным снимком в лучшей фотостудии города завершают свое пребывание в Братске мои гости. Но вот они уехали, а я осталась в одиночестве, мечтая о том, что Боря когда-нибудь придет ко мне, и я поведу его по своим любимым местам.

Каникулы закончились. С нетерпеливой радостью я летела в Иркутск. Если бы у меня были крылья, я летела бы быстрее самолета. В тот же вечер мы с Женькой поехали к Борису. Около общежития я вдруг оробела, представляя нашу встречу, но мои переживания оказались

напрасными – его опять не было дома. Сказали, что уехал в Зиму. Зачем?! Никто не считал нужным объяснять.

Глава 10. «Рыжий гринго» и другие

Потянулись учебные будни. Заканчивались занятия, и я шла в читальный зал, где, укрывшись за томиком всемирной литературы, просиживала до самого закрытия. Здесь никого не интересовало, что с моим лицом. Никто не подшучивал над моей привязанностью к легкомысленному парню, не ругал за слабохарактерность, за неумение жить сегодняшним днем, отбросив в сторону неприятности, осложняющие жизнь. Тихий шелест страниц, приглушенные перешептывания – и мысли, подхваченные чужими страстями и переживаниями, уносятся далеко-далеко, в выдуманный мир книжных героев.

Покидаю читальный зал вместе с последними посетителями, медленно бреду по темной улице. Не несут меня ноги в общежитие, где каждая мелочь напоминает о Борисе. Тяжело жить, когда чувствуешь себя никому не нужным. Когда пришел «рыжий гринго» Афанасий, я обрадовалась ему, даже просияла.

– Какая ты хорошая сегодня! Целую вечность тебя не видел, – он радостно обнимал меня, удивляясь моей покладистости. – Соскучился по тебе ужасно. Хорошо отдохнула дома? Все у тебя в порядке?

Афанасий когда-то учился в нашем институте, но был отчислен за пропуски и теперь приходил в общежитие «по старым адресам». Рядом с собой я его никогда не представляла. Униженная исчезновением Бориса, я с недоумением наблюдала, какой восторг вызывало у Афанасия одно мое присутствие. Как-то вечером он задержался в нашей комнате. Девчонки выключили свет и, пошептавшись, затихли. Интимная обстановка прибавила парню смелости.

– Можно я прилягу рядом? Возьму и скажу всем, что ты моя жена.

– Ни один мужчина не ляжет на мою постель! – ответила я жестко.

– Ты меня не понимаешь! Ты хоть что-нибудь чувствуешь? Жестокая ты! Садистка! Я понял, насильно мил не будешь! – он мрачно покинул комнату.

Пришла весна. Таял снег. Бежали звонкие струйки из водосточных труб, под которыми мы с Женькой мыли сапоги и яблоки, совершая продолжительные прогулки по городу. Эх, Боря! Сколько воды убежало, сколько растаяло снега, а ты ко мне не приходишь, а ты ко мне не едешь! В моей жизни ничего не менялось, кроме погоды.

Когда мне становилось грустно, так, что хотелось плакать, я сочиняла письма, чтобы прочитать их глазами Бориса и порвать. А одно даже хотела отправить. «Боря! – писала я и далее цитировала монолог Росарио из „Доньи Перфекты“: – На деревьях уж птицы утра зашевелились. Седая ночь умирает на остром камне. Пойдем, отыщем темный угол, где я смогла бы тебя любить. Поверь, что не страшны мне люди и яд, который бросят в нас. Увы! Минуты нет, когда б к тебе я не стремилась. Меня влечешь ты – я иду, ты говоришь, чтоб я вернулась, но я по воздуху лечу тебе вослед былинкой легкой. Я буду спать у ног твоих, стеречь все, что тебе приснится. Нагая, буду я смотреть на поле, как твоя собака...» Как хорошо, что я вовремя одумалась! Чувственная откровенность, свойственная героям испаноязычной литературы, могла шокировать несведущего парня.

Женька повезла меня в Зиму, где в приземистой избушке, словно стукнутой «по шапке» и ушедшей по самые окна в землю, жила ее мать. Мне хотелось ощутить дух города, где Боря провел свои детские и юношеские годы, попытаться что-то понять, переосмыслить.

В небольшом провинциальном городке, подарившем миру знаменитого поэта Евтушенко, царил удивительное спокойствие. Мы ходили по Зиме с утра до вечера, но Бориса не встретили. Местные пареньки, низкорослые крепыши, обращали на них много внимания, все здоровались и улыбались. Даже пожилые мужики оборачивались вслед: «Ах, какие красавицы! Был бы я помоложе!» Совершенно бесхитростный зиминский народ! Для этих людей

наше появление стало «событием». Вот почему Борис Барханов, выходец из этого простодушного народа, отказывался понимать мои причуды.

Долгие прогулки по городу, по-домашнему уютные провинциальные вечера, убийственно крепкий сон на старом диване – все это до боли обострило мои чувства.

– Как бы я хотела жить с Борей вдвоем в такой избушке, чтобы на этом диванчике он обнимал меня каждое утро, – признавалась я Женьке. – Чтобы у нас родился похожий на него пацан. Пойми, Женька, мне очень нужно это. Иначе для чего влачить свое жалкое существование, потакая греху чревоугодия?

Временами в сердце моем, пустом и холодном, уже не гнездились пылкие страсти. Мне казалось, что я больше не смогу никого полюбить. Я никак не могла поверить, что этот парень способен оказаться негодяем. Почему же он издевательски молчал? Если бы могло на нем отражаться то, что я думаю, тяжесть моих мыслей придавила бы его, такого сильного и здорового.

Мама жалела меня. Ее воображение рисовало жуткую картину автомобильной аварии, в которой пострадал любимец дочери, и как следствие – длительное пребывание несчастной жертвы на больничной койке. Она написала Веронике, чтобы та помогла разобраться в причине исчезновения Бориса и избавила сестру от душевных мук. Ох, материнское сострадательное сердце! Если бы можно было все проблемы решить с помощью ближнего человека, какой простой оказалась бы наша жизнь! Не поеду я к нему. Зачем? Унизиться, чтобы стало легче? Добиваться счастья всеми средствами? У завоеванного счастья привкус горечи. Почему же я должна сложить к его ногам свою гордость? Пусть *он* добивается моего расположения. Слишком большая трещина образовалась между нами.

Таня Илюшина каждый вечер ездила к Юрке ночевать, и они собирались снимать для себя комнату, чтобы жить вместе. Женька печалилась, что подруга отдалилась. Я же носила в себе «секрет», который тяготил меня, но никому – даже под пытками – я бы не открыла его. Как-то Юрка пригласил меня на танец и сказал, прижимая к себе: «Ты стала другая. Задумчивая». Без сомнения, он был красивым, но лицо его, круглое, белое, с усиками над яркими пухлыми губами, казалось слишком холемым и самодовольным. Мне он напоминал кота, отъевшегося на сметане, и было неприятно, что руки его тесно прилипали к моему телу.

– Ты темпераментная. Мне это нравится. Я сразу понял, когда увидел тебя: вот девчонка, которая нужна мне.

– А как же Таня? – спросила я и вспомнила Илюшку, плачущую за шторкой, ее счастливое щебетание вокруг Юрки, когда тот появлялся после долгого отсутствия, их совместные ночевки в пустой комнате и совершенно взрослые отношения, до которых мы еще не доросли.

– Я знаю, она любит меня, последнее мне отдаст, но я все больше убеждаюсь – это не мое. Да и не одна она у меня, скажу честно. А вот ради тебя я бы всех бросил.

– Да как ты можешь? – возмутилась я. – Давай сделаем вид: ты мне ничего не говорил, а я – не слышала!

– Я подожду, пока ты выбросишь из головы своего парня. А пока ничего не говори Тане. Пусть это будет нашим маленьким секретом.

– Никаких секретов у нас быть не может! – отрезала я и повела его в комнату к Тане. Спали они опять вместе, и пока он не ушел, я была не в своей тарелке.

Афанасий не появлялся целую вечность и вдруг опять пришел.

– А я хочу и хочу быть с тобой! Пойдем со мной, будем вдвоем в комнате.

Он выглядел таким смешным, этот «рыжий гринго» – долго-долго копил свою нежность, чтобы передать ее в пронзительно-грустном взгляде, в одном прикосновении щекой к щеке. Я молча развернулась и закрыла дверь, потому что у меня почему-то застучали зубы. Он опять приходил, стучал, но я не открывала.

Он стал захаживать в нашу комнату каждый вечер. Днем играл в футбол возле общежития, а вечером напивался, ходил по коридору и пел песни. Как-то сон сморил его, и он уснул,

сидя на моей кровати. Я с трудом привела в вертикальное положение его тяжело обмякшее тело.

– Пойдем, Афанасий, я провожу тебя до пятого этажа.

В холле он неожиданно пришел в себя и захватил меня в крепкие тиски, тщетно пытаюсь выжать ответное чувство любви. Сопротивление было бесполезным. Я укусила ему руку.

– Ну, кусай, кусай! Больно, да, но я ничего не скажу.

– Одного не пойму, Афанасий, откуда у тебя берутся нечеловеческие силы, чтобы лезть ко мне?

– Я же мужчина – и не какой-нибудь дохляк. Мне хорошо с тобой. Я тебя пальцем не трону, только стой рядом. Были у меня девчонки, но ни с кем мне не было так хорошо.

– Найди себе сговорчивую женщину.

– Глупая ты. Мне никого не надо. И тебя я никому не отдам! – Он обнимал меня так сильно, что трещали кости. – Твой я!

Мне стало смешно. Боря тоже так говорил. И где же он теперь? Я стояла спокойно у окошка, скрестив руки.

– Тебе не кажется, Афанасий, чем больше слов говорит человек, тем меньше он чувствует?

– А ты... совершенно спокойна, да?!

Он предпринял очередную попытку захватить меня и прижать к своему возбужденному телу. Алкоголь придавал ему неимоверную силу.

– Ты одна только можешь так мучить и дразнить!

– Немец ты! Гестаповец! – возмущалась я, пытаюсь обрести свободу. – Жестокий, сам садист. Больше ко мне не приходи!

– Да? А я и не приду!

Но он приходил среди ночи, стучал так настойчиво, что мне становилось страшно.

– Девчонки, пустите! Я хочу увидеть ее! Пустите! Только посмотрю, как она спит, и уйду!

Она здесь, да?

– Уходи, у нас не вокзал! – неумолимым голосом отвечала Илюшина, подходя к двери.

– Девчонки, пустите! – ломился неудачливый ухажер. – Все равно позову на свадьбу.

Дверь трещала от его ударов. Просыпался весь этаж.

Мы не открывали. Он уходил, через какое-то время возвращался и опять стучал. У меня сжималось сердце. Какой дурак! Через пару дней, стоя на трамвайной остановке, я увидела, как он двигался в сторону инязовского общежития, чтобы порадовать его обитателей очередными подвигами. Подошел ко мне и поздоровался, как ни в чем не бывало.

– Опять будешь выступать вечером? – спросила я.

Он был пока еще трезвый, поэтому мой вопрос его очень обидел. Все, конечно с ним, решила я. Пусть пьет свою водку и лезет к другим девочкам. Только, чур, не ко мне! Алкоголик – не человек.

Прошло три месяца, как я не видела Бориса.

В этот день я танцевала одна. Сначала «Борин танец». Передавала его движения, соразмерную с ритмом музыки пластику, темперамент. Девчонки остались у парней в общежитии. А мне никто не нужен. Честной я стала и правильной: три месяца ни с кем не целовалась. Все во мне, каждая клеточка моей души любила Боря. Пока живу, я верю. Пока верю, я буду ждать его. Мой! Разве не для того он родился и вырос, чтобы я крепко-крепко его полюбила? Я видела перед собой его глаза, улыбку. Хотела протянуть руку и ощутить его рядом. Истязала себя волнующими воспоминаниями. После шестичасового звучания магнитофон разогрелся и готов был в любую минуту вырубиться.

В конце апреля на улице выпал снег. Безобразие. Даже не верилось, что неделю назад был настоящий летний день. Окно было открыто, и шторы шевелились от легкого дуновения

ветерка. И вдруг резко похолодало. Ночью налетел порыв ветра и неожиданно распахнул окно. С подоконника упала на пол и разбилась стеклянная банка. Я почему-то подумала, что в нашей жизни что-то круто изменится. Грохот разбитого стекла всех перепугал. Женька, не просыпаясь, перебралась ко мне под одеяло. Да, это у меня будут перемены, потому что из трех кроватей она выбрала мою.

В «школу» не пошли: бесновались дома. Гонялись по пустынным коридорам, чтобы согреться. Приехавшая в гости Ермошка сидела на краешке кровати и с удивлением наблюдала, как мы имитировали борца Барханова, одержавшего на ковре очередную победу. Илюшина, представлявшая в своем лице спортсмена Бориса, после демонстрации его победоносных телодвижений ластилась ко мне, как котенок: «Му-урр!»

Мы хохотали до слез, до изнеможения, словно нас щекотали черти. Из нашей комнаты «108» постоянно доносились крики, визг, дружные раскаты смеха. Гостей, как ни странно, сюда тянуло магнитом, и все чувствовали себя, как дома. Мы сроднились, стали единым организмом, который без одной из нас уже не мог считаться полноценным. В моей душе проснулось столько радости, столько желания любить. Я уже не представляла, что у меня могло быть по-другому.

Жизнь наша была полна событий, каждый прожитый день нес в себе информацию, являлся частичкой общей картины нашего бытия. Одно оставалось неизменным: я по-прежнему думала о Борисе и проживала с ним каждый свой день. Дни стояли пасмурные. Выпал грустный дождь. После такого дождя обычно начинает все распускаться и хочется любить. Я ехала на рынок за картошкой и, ничего не купив, отправлялась слоняться по улицам, с любопытством разглядывая, как с пробуждением природы преобразается лишенный ярких красок город. Домой возвращалась на речном пароходике, в одиночестве сидя на холодной, обдуваемой ветрами палубе.

В нашу комнату зачастили пятикурсники с магнитофоном и записями, привезенными с Кубы. Женька готовила на всех большую кастрюлю фирменного супчика – жиденького, но наваристого и вкусного. Они засиживались допоздна, разговаривая об испанском, о кубинской музыке. Студенты, прошедшие стажировку на Кубе, в наших глазах приравнивались к преподавателям и казались богами с высокой горы Олимп. Все, что рассказывали «кубинцы», мы впитывали в себя, затаив дыхание. Знание языка делало всех причастными к чему-то великому, прекрасному.

Поездка на Байкал стала самым ярким событием в череде прожитых дней. Какой чудесной была эта картинка, увиденная воочию, а не на иллюстрации! Скалы, камни, отшлифованные ветром и прибрежной волной, необъятная водная гладь и горы вдаль, в синей дымке похожие на мираж. Дополнением к замечательному пейзажу явились местные мальчишки, которые великодушно таскали дрова для костра, а потом провожали нас на велосипедах.

Началась летняя сессия, и подготовка к экзаменам до конца июня заслонила все земные радости. Первым сдавали экзамен по медицине у «бабы Нади», вся хирургия которой состояла из «житейских случаев». «Вот был такой случай...» Некоторые «случаи» прочно вошли в копилку узнаваемых анекдотов. Однако на экзаменах «баба Надя», забыв о прежней фамильярности, была строга и придирчива. Особенно к тем, кто не проявлял интереса к ее богатому жизненному опыту и оставлял без внимания ее содержательные лекции. Я интересовалась медициной, потому негаданно попала в число счастливиц, заработавших «автомат».

С наступившим теплом неудержимо поманил к себе остров Юности. Мы катались на лодках, бороздя вдоль и поперек небольшой залив, и с натертыми от весел мозолями на ладонях шли сдавать диамат, призывая на помощь все небесные силы:

– Дяденька Самбуров, не ставь нам троек!

Пригретые пекущим солнышком, мы загорали на зеленой травке, обложившись тетрадами и имитируя подготовку. В погоне за красивой порцией загара я становилась «вождем

краснокожих», Пожарским и предметом всеобщих шуток, вызывая улыбку даже у строгих экзаменаторов.

Установилась нестерпимая духота, вызвавшая полный упадок сил. Окно в комнате было распахнуто день и ночь. Мы ходили в одних плавках и кутались в мокрые простыни, как древние римляне. Когда голова шла кругом от этих *reglas de urbanidad* (правил хорошего тона) и *comidas* (кушаний) и начиналась острая нетерпимость ко всякой информации, мы делали вылазку на танцы.

Мы с Илюшиной не покупали входных билетов. Это было слишком просто: купить билеты и войти, как все смертные. Мы пробирались на танцплощадку с риском для жизни, по железной решетке, которая создавала надежное ограждение, выступая далеко в воду. Промокшие, но очень счастливые, мы примыкали к своей веселой компании.

Какой-то парень пригласил меня на вальс, кружил, поднимал на руках. Это было так необычно. Я смеялась и вскрикивала от неожиданности, испытывая приятное головокружение. Девчонки оставили нас одних. Мой новый знакомый с умным видом говорил о закате, о луне, об архитектурных замыслах острова Юность, о моем красивом черном платье. Я искала глазами девчонок, чтобы отдохнуть в окружении родных лиц, но звучало танго, и парень вел меня танцевать. Он прижимал меня к себе, тихим дуновением губ касался шеи, а я думала о Боре и чуть не плакала. Я никогда не смогу быть с нелюбимым мужчиной!

Около общежития парень задержал меня. Поднял на руки, не сводя влюбленных глаз, ворошил губами волосы.

– Ну, отпусти меня! – просила я. – Можно, я уже пойду домой? Ну, пожалуйста!

На следующий день мой вчерашний знакомый появился в военной форме младшего лейтенанта в образе серьезного мужчины, но я меньше всего была расположена танцевать с ним и вести светские беседы. Мы с Илюшиной растворились в толпе, прыгали и баловались, как дети. Серьезный лейтенант стоял у эстрады и наблюдал за нами.

После танцев мы бросились убежать, в толпе запутывая следы, довольные, что никто не покушается на нашу свободу. И вдруг обнаружили, что мой военный неукоснительно следует за нами на расстоянии двух метров. Около краеведческого музея серьезный лейтенант догнал нас и заторопился высказать все сразу. Как у пойманного нарушителя стал выпытывать мою фамилию и группу.

– Поехали, Анастасия Январева, к моему деду, – неожиданно заявил он. – Я что-нибудь оставляю тебе на память.

Я, наконец, осмелилась спросить, как его зовут. Лейтенант оказался обладателем имени Слава. Мы свернули к общежитию на Ленина-стрит. В дверях я задержалась, сохраняя готовность убежать.

– Есть в тебе что-то хорошее, Анастасия Январева! – сказал Слава. – Я еще найду тебя.

В глубине души я надеялась, что встречу на танцах Бориса, как год назад, в такой же теплый июньский вечер. Однако на танцах Боря тоже не появлялся. Среди огромной толпы танцующей молодежи не было ни одного парня, кто бы мог достойно заменить его отсутствие. Складывалось впечатление, что он вообще перестал существовать в природе. Пропал человек, бесследно сгинул в загадочном Бермудском треугольнике!

Как говорят французы, во всякой таинственной ситуации надо искать женщину. Тогда все встанет на свои места, и объяснение непонятному придет само собой. Наверное, этот ловелас, привыкший к легким победам, не знающий отказа дамский угодник опять кого-нибудь сбивал с толку. Отрабатывал очередной, более доступный вариант?

Я негодовала, что так легко попала в его сети. Предатель! «Севильский озорник»! Чем же он покорила меня? Смотрел с немим восторгом, как на звезду первой величины, в собственных глазах поставил на пьедестал? Обеспечил чувство защищенности, как маленькую девочку, за руку повел в мир любовных страстей? А я купилась с первой минуты. «Это судьба!»

И сколько нас, таких дур? Все во мне кипело, как в котле, где варилась похлебка для чертей (или сами черти?)

– Пришел бы на «Юность», а я забралась бы на последний ярус и сбросила ему на голову камень, – говорила я Ермошке, безмолвно внимающей моим монологам. – Пусть бы истекал кровью. Мне не жалко..

Мы сдали экзамены и стали готовиться к отъезду. Перевернули в комнате все вверх дном. Последнюю ночь спали по двое на одной кровати. Оставив свою «авгиеву конюшню», мы разъехались по домам.

Прощай, Иркутск, город, где я полюбила его. Кровь моя отравлена твоим воздухом.

Глава 11. Практика устной речи

В тихой домашней обстановке я почувствовала себя, как остановленный на всем скаку конь (вернее было бы сказать «лошадь», но это звучит грубо). Еще вчера я неслась во весь дух, чтобы все успеть. И вдруг оказалась в условиях полной тишины и спокойствия. Потрясающе! Я никому ничего не должна. Чем заняться?

– Отдыхай! – сказал отец.

– Интересно, как? – растерялась я.

Я отоспалась и отправилась совершать «наполеоновские» забеги. Первым делом – подруги, одноклассники, а потом – как карта ляжет. В родном городе все сердцу дорого.

Мама принялась откармливать исхудавшую студентку.

– Из легко передвигающейся девочки я рискую превратиться в сытого, тупого увальня, – стонала я, за обе щеки уминая блюда, приготовленные умелыми руками мамы. – Опять же не покушать нельзя: все так вкусно!

Через неделю пожаловали дорогие гости – Вероника с мужем Сашей. Они оба одинаково светились от счастья, словно открыли для себя неведомую планету, где это счастье едят ложками. Замужество придавало сестре неповторимое очарование. Гостям постелили на диване в детской комнате. На нашем кровном диване Вероника спала не со мной, а со своим мужем! А моя любовь, быть может, ждет меня в двадцать первом веке! На следующий день комната превратилась в музыкальную студию: Саша записывал на магнитофонную кассету модные хиты «Бони М», «АББА», «Назарет», а я прыгала рядом в ритмах танца.

Вышли с сестрой прогуляться. За разговором незаметно дошли до гостиницы «Тайга», где можно было посидеть на лавочках возле незамысловатого фонтана.

– Запомни этот момент, – сказала я. – Если я не буду с Борькой, я останусь холостячкой на всю жизнь.

– Нет, сестренка! – возразила Вероника тоном, не позволяющим сомневаться в ее правоте. – Ты слишком хороший человек, чтобы тебя не заметить. Встретишь ты человека, который полюбит тебя. А Борька Да, есть такие люди, которые входят в душу с ногами. В тебе он не понял главного. Не успел. Может, купается сейчас в море успеха. Но будет еще время, когда к душе потянется.

В день, когда уезжали Вероника и Саша, шел проливной дождь. На автостанции мы увидели группу молодых людей в курточках интернационального стройотряда УДН. Все они были из стран Латинской Америки. Сердце защемила забытая грусть о моем несостоявшемся поступлении. Теперь я уже не была той наивной девочкой, ошарашенной московской круговертью. За эти два года, что отделяли меня от крушения мечты, я научилась говорить на испанском языке. Разве можно было упустить неожиданную возможность испытать себя?

Я подошла к ребятам и заговорила. Это было непросто – преодолеть застенчивость и найти слова, чтобы объяснить свой порыв! Я словно шла по шаткому мостику, боясь свалиться в реку. А они, эти ребята, вдруг дружески «подхватили» меня, помогли добраться до берега. Узнав, что я изучаю испанский язык, заклокотали так радостно, что на нас стали оглядываться. Для провинциального города эта картинка казалась из ряда вон выходящей: русская девица, с трудом подбирающая слова на незнакомом языке, в толпе ликующих, возбужденных латиноамериканцев. На прощание вся группа долго махала руками вслед нашему уходящему автобусу.

Всю дорогу до аэропорта я приходила в себя. Среди студентов оказался Хорхе Исминьо, мой перуанский друг по переписке. «Настенька...» – звучал в голове его тронутый акцентом бархатистый голос. Расставание с Вероникой и Сашей повернуло мои мысли в другую сторону.

Радость нечаянной встречи сменила острая тоска разлуки. Какой переполненный эмоциями день!

Я загорала на балконе, когда отец принес письмо, в котором Хорхе сообщал о своем намерении приехать ко мне в воскресенье. Мы встретились. Пока я жарила картошку, мой латиноамериканский друг стоял рядом, не вникая в разговор присев на стул: у них не принято сидеть, когда стоит женщина. Неожиданно он притронулся ко мне руками и сказал:

– То, что происходит со мной сейчас, похоже на сон.

Мы прогуляли вместе целый день. Сходили в кино. Покатались на электричке. Хорхе с пылким чувством отзывался на каждое мое слово, трепетал, как лань. От него исходило тепло, как от натопленной печи.

– Ты мне очень нравишься, Настенька! Волосы, глаза, цвет твоей кожи. Теперь, когда я увидел тебя, я хочу обнимать тебя, чтобы соединилось тепло твоей кожи и моей.

В следующий раз он не стал дожидаться воскресенья и приехал среди недели. Я видела, что влюбленность накрыла парня с головой.

– Я буду с нетерпением ждать воскресенья, чтобы приехать к тебе, – сказал он, прощаясь.

Погода была дрянь. Дул ветер, дождь хлестал. И я была сама не своя. Словно вернулось ко мне ощущение превосходства от того, что латиноамериканец «бежит» за мной, как тот Афанасий. Как зависимо он смотрел на меня, как неловко брал мою руку своей, похолодевшей. И то, что он говорил мне по-испански, меня не трогало.

– Ты – сама свежесть. Мне бы хотелось держать тебя в своих объятиях, чувствовать тепло твоего тела, сказать много слов о любви, которые выражают мое вдохновение и сокровенные чувства.

Я приехала домой совсем без сил, повалилась спать со словами: «Ох, Исминец, ни к чему нам влюбляться друг в друга!» и больше не думала о встрече. Меня уже не интересовала возможность практиковать язык.

Вскоре я получила письмо от Женьки Клыковой. Она звала меня в Иркутск, чтобы вместе поработать в стройотряде проводником, воспользовавшись чужим удостоверением. Как я забегала! Как быстро меня вдохновила на подвиги новая перспектива! Родители с первой же минуты посчитали эту идею сумасбродной. Оставалось самое главное – убедить их в необходимости моей поездки в Иркутск. Было трудно, да почти невозможно сдвинуть с мертвой точки мамину непоколебимость, но я нашла нужные слова. Я купила билет на самолет и стала собирать в дорогу сумку, прикидывая, что может пригодиться в поезде.

И вот я в Иркутске, сижу в сквере на лавочке, умиротворенно слушаю плеск фонтана. Мое пылкое намерение приехать сюда осуществилось. Здесь тепло и люди другие: озабоченные серьезными проблемами, все спешат куда-то по неотложным делам. Приятные мальчики, напоминающие Борю. Но что делать дальше?

Встреча с Алиной была радостной и торопливой: она спешила на работу. Как только за ней захлопнулись двери, из комнаты Варвары Ивановны послышалось знакомое шипение политых водой раскаленных угольков. Остаться в доме с недружелюбно настроенным человеком я не захотела. Вымыла полы, съела бутерброд с колбасой и поехала в город. Девчонки должны приехать в два часа ночи. Но где я найду Женьку, если в общежитии ремонт? Намотав по иркутским улицам десятки километров, я впала в отчаяние. Я не могла найти ни Женьку, ни Галку Ермошину. Алина взяла отпуск и укатила с Андрейкой в Братск, оставив меня без последнего приюта.

Я приросла к лавочке, не имея сил двигаться. Получила то, чего не хватало дома: измучилась и отчаялась. Ноги гудели. Голова кружилась. Домой возвращаться стыдно. Что скажет мама? Как всегда, она оказалась права – идея приехать в Иркутск была безрассудной, но мне надо было на собственном горьком опыте убедиться в этом.

От усталости я готова была заснуть на любой скамейке. И когда уже окончательно потеряла надежду на встречу с девчонками, я застала Ермошку дома. После поездки она находилась в состоянии глубокого сна, смотрела на меня и не узнавала, но одной секунды хватило, чтобы включилась нужная кнопка. Галя повела меня на кухню и накормила, как в последний день, а потом повезла к Женьке, которая остановилась у знакомой тетки. Я была немного вялой, но Клыкова зацеловала меня, заобнимала, заносилась по комнате, как ракета, получившая предстартовое ускорение.

Мы долго сидели в креслах, разговаривая. Потом бродили по городу. Обошли все свои любимые места: парк культуры и отдыха, набережную Ангары, остров Юности. Стояли в толпе, никого не видя, хохотали, не сводя друг с друга изучающих, пытливых глаз, и все не могли наговориться. А прошло-то всего две недели, как не виделись.

Наша затея с работой по чужому удостоверению не выгорела. Обрато Женька повезла меня «зайцем». Я уже не понаслышке знала, что «заяц» – ничтожное существо, достойное третьей полки, поэтому чувство тревоги не покидало меня всю ночь. Впрочем, все мои тревобления оказались напрасными: в семь утра Женька разбудила меня на «дежурство», всучила в руки веник и ведро с водой. Как только пассажиры проснулись, я понесла по вагону стаканы с горячим чаем. Я деловито встречала «новеньких», проверяла их билеты, выдавала белье и помогала устраиваться. И всем я была нужна, все были зависимы от меня, как малые дети от матери. Я так сроднилась с новой ролью, что приближение своей станции встретила с досадой. Когда я вышла из поезда, пассажиры высунулись из тамбура и кричали вслед добрые слова.

Через два дня поезд «Иркутск – Усть-Илимск» шел обратным рейсом. Я встречала Женьку на станции с горячим обедом и домашним разносолами. Не поленилась привезти с собой портфель пустых бутылок, зная, что бутылки, оставленные пассажирами, проводники сдают по пути следования. Эта особая статья дохода намного перекрывала их месячный заработок.

Наше семейство переселилось на дачу. Нас окружали море, сопки и разноцветные дачные домики, утопающие в густой зелени. В хорошей компании родственников на даче я чувствовала себя вольготно, как дитя природы, как ветер, свободно гуляющий в поле. Свежий воздух и немного труда открывали хороший аппетит. Мама с утра обильно всех кормила, а потом отсылала на работу.

Мы с Алиной представляли основную рабочую силу и иногда дружно выступали против растущих запросов «работодателя». Андрейка, единственный мужик среди нас, отвечал за дрова и носил воду. Тетя Серафима весь день пряла пряжу с выражением покорной смиренности или, сидя на маленькой скамеечке, недвижно замирала у куста смородины. Собирать ягоды было ее любимым занятием, и как-то она даже сказала, что «умерла бы под кустом» – такая кончина ей не была бы страшна.

Шли дни, похожие друг на друга, как капли воды. У мамы закончился отпуск, и она вышла на работу. Родственники разъехались по домам. На дворе стоял август. Лето, лишённое событийных моментов, подходило к концу. И вдруг о, радость! Ко мне без всякого предупреждения нагрянула дражайшая «пани Клыковская». Вся квартира заполнилась мягким говорком и приглушенным смехом, беспокойными движениями неугомонного человечка, которому до всего было дело. Я очень радовалась приезду подруги: своей неутомимой энергией она внесла в мою жизнь тонус, которого явно недоставало в тихой домашней заводи. Мама заметила, что мы сроднились и стали похожими, как две сестры.

Неудержимая сила потянула нас «на подвиги». Я рассказала Женьке, что получила письмо от Джамили, с которой познакомилась во время поступления в УДН. Та известила меня о своем приезде и ждала с нетерпением в гости. Стройотряд медицинского факультета нахо-

дился в окрестностях станции Анзеби. Я очень хотела повидать Джамилю, но считала неприличным в одиночестве появиться в лагере, где большинство студентов были иностранцами.

Женьку не пришлось долго уговаривать, она с радостью составила мне компанию. Мы без труда нашли Джамилю и после бурных восторгов, сопровождавших встречу, обнаружили, что попали «с корабля на бал». В большой брезентовой палатке сидела вся бригада, семь человек. Отмечали день рождения Мишеля из Доминиканской республики. Все были слегка навеселе. Ели узбекский плов, приготовленный Джамилей, пели под гитару испанские песни. Вспыхнуло радостное возбуждение. Казалось, здесь только и ждали нашего появления.

Мы сразу почувствовали себя «в своей тарелке»: разговор приобрел непринужденную легкость, а смех был наготове, чтобы выплеснуться в ответ на веселую шутку. Широкие улыбки растянулись до ушей, а головы непроизвольно поворачивались в ту сторону, где сидел Хесус, высокий красивый парень из Мексики. На него тянуло смотреть, хотя он не являлся центральной фигурой за столом и разговаривал немного. Но он постоянно улыбался, и его темные глаза, окруженные пушистыми «девичьими» ресницами, излучали теплый внутренний свет.

Только душевная доброта и чуткость могли породить этот трепетный и изумленный взгляд, который будоражил и приводил нас обеих в смятение. Хесус казался прекрасным экзотическим растением, непонятно как оказавшимся в сибирском ландшафте. Этот диковинный цветок хотелось с нежностью оберегать от сурового климата, спрятать на груди и бережно лелеять.

Аристократичность изысканных манер мексиканского мучачо никак не вязалась с грубым свитером домашней вязки, который мешковато висел на его худых плечах, сверкая потертыми на локтях прорезами. Я увидела эти прозаические дырки, когда пришла пора прощаться, и парни поднялись со своих мест, чтобы проводить нас до автобуса. В моих глазах промелькнуло недоумение, и Хесус, перехватив мой взгляд, засмеялся, закрывая руками прорехи. Мы вышли под звездное небо и, наугад ступая в крошечной темноте, двинулись в сторону проезжей дороги. Женька с Мишелем шли впереди, и их веселый разговор доносился журчащим ручейком.

– Когда мы будем практиковать испанский язык? – весело спросил Хесус.

– Ты считаешь, что это возможно? – улыбнулась я.

– О, да, конечно! Ты можешь поехать со мной в Москву!

– Вот так сразу?

И я, и Женька – обе одинаково ошалели. Мы вспоминали подробности приятного вечера, и все разговоры сводились к одному: Хесус! Сколько обаяния! Как легко можно надеть глупостей из-за него! Просто приезжать туда каждый день и смотреть на него из-за кустов, пока они еще здесь. Как жить дальше? Мы обе смертельно заразились желанием видеть Хесуса.

Через день уезжала в свой Ташкент умница-красавица – моя подруга узбечка Джамиля, и у нас был повод появиться в лагере. Мы просидели полдня в вагончике, наблюдая за сборами Джамили. Вместе ходили по магазинам, выбирая из скудного ассортимента товаров подарки для ее родных. Мишель два раза всовывал голову в палатку и радостно улыбался нам. Хесуса нигде не было. А как хотелось увидеть его! Девчонки-повара на кухне накормили нас кашей. Наступил вечер. Мы посадили Джамилю в вагон и долго махали руками вслед уходящему поезду. Как только состав исчез из виду, все вокруг показалось серым и безрадостным.

– Теперь мы не сможем запросто приехать в этот лагерь, – сказала Женька.

– В жизни не осталось ничего значительного, ради чего стоило бы жить, – скорбно вздохнула я.

В ту ночь Женька долго говорила про Хесуса, а я молчала. Зачем впускать в свое сердце живую боль? Как трудно потом заглушать ее. Я это недавно «проходила».

Оставался последний шанс увидеть Хесуса – поехать в Анзеби на танцы. Надежда на то, что он может появиться в разношерстной толпе поселковой молодежи, была слабой, как тонкая

ниточка. Танцы не начинались до десяти часов вечера. Однако молодежь не расходилась. Все чего-то выжидали, кучкуясь по сторонам. По отдельным репликам мы узнали, что студенты дают в клубе прощальный концерт.

Мы поспешили в зал и попали на два последних номера. Помещение клуба было забито до отказа: яблоку негде упасть. Вытягивая шеи из-за чужих голов, заслонивших видимость, мы устремили взор на ярко освещенные подмостки и сразу увидели того, кто нас интересовал. Хесус играл на гитаре. Инструмент в его руках, как знаменитая гавайская гитара, в немислимых аккордах выдавал такой накал страстей, такой пылкий темперамент горячей крови, что замерший от восторга зал в едином порыве всколыхнулся от громких рукоплесканий. Женя с трудом справлялась со своими чувствами.

– Ничего хорошего из этого знакомства не получится. Давай успокоимся, подруга, – сказала я, испытывая похожее состояние. – Главное, не рисовать радужных картин...

Мы вышли на улицу и сразу увидели Хесуса. Он стоял неподалеку с двумя гитарами, кого-то ожидая. Он тоже увидел нас, и краска смущения залила его лицо. Женька сбивчиво заговорила о несомненном успехе, который вызвала его виртуозная игра на гитаре. Я тихо стояла рядом и помалкивала. Зубы мои стучали – и вовсе не от вечерней прохлады. Что это было? Я испытывала непонятную слабость – присутствие парня подкосило мои ножки. Мое состояние было похоже на легкое опьянение. Хесус, избегая смотреть в мою сторону, разговаривал только с Женькой. Мы опустились на лавочку – и это спасло мои ослабевшие ноги. Хесус сел рядом и заговорил со мной. Потом мы танцевали, и он прикасался своей горячей щекой к моему уху, что-то тихо спрашивал и смеялся.

– *Me gusta mucho bailar así!* (Мне очень нравится так танцевать)

Он был рядом, но как далек от меня – не дотянуться! Я наслаждалась им, как чудом, ни на что не претендуя. Так человек, созерцающий в картинной галерее признанные мировые шедевры, не посягает на единоличное владение ими. Заметив, как погрузилась Женька, Хесус растворился в толпе и вскоре вернулся в сопровождении симпатичного парня по имени Хавьер. Это было неожиданно, и Женька обрадовалась новому знакомому. Голос ее снова зажурчал ручейком. Мы вчетвером пошли гулять по дороге. Стало прохладно, и парни накинули на наши плечи свои курточки. За переездом они посадили нас в автобус.

Я не могла сомкнуть глаз до двух часов ночи. Женя тихонько посапывала рядом, а я думала о Хесусе. Что мне делать со своими чувствами? Не нужен мне никакой испанский рядом с ним. Глаза, губы, улыбка... Боже! Кому достанется такое чудо?

Утром с первым автобусом мы поехали на дачу собирать малину. Заросли кустов раскинулись по всему периметру участка и казались непроходимыми дебрями – зайти можно, а выйти – никак.

– Чтобы дело не стопорилось в руках, попробуем «боржоми» *muuy fuerte* (очень крепкий), – я выдвинула тяжелый ящик старого комода и отыскала замаскированную среди белья бутылку с отвлекающей этикеткой «Боржоми». – Дабы не вызвать праведный гнев матушки, недостаток восполним ключевой водицей.

Женька одобрила мою затею радостным смехом.

Медицинский спирт, разведенный в равных пропорциях водой, ударил в голову. Нам стало радостно и привольно – море по колено! Мы без страха шагнули в непролазные малиновые дебри. Ягод было много, и они сами просились в ведра. Без всякого усилия воли «развязались» язычки. Все самое сокровенное потребовало выхода. Слово за слово – и Женька выболтала тайну, которую скрывали от меня полгода.

– Думаешь, ты одна нравилась Борису? Не хотели тебя расстраивать: уж больно он запал тебе в душу. Помнишь тот вечер у него в общежитии? Тогда он признался Таньке, что она ему нравится.

Старая рана, не успев зарубцеваться, отозвалась острой болью. Сколько времени я ждала его! А он прорабатывал очередной вариант с моей почти подругой, живущей рядом. Почему Таня молчала, как партизан? Щадила мои чувства? Но ведь и я не предала гласности «секрет» ее любимчика Юрки. А лучше было бы «отрезать» сразу, чтобы не болело так долго!

– Ты относилась к нему лучше, чем он заслуживал, – заметила Женя. – Мы пытались открыть тебе глаза. Только ты никого не хотела слушать. У него всегда были деньги. Он занимался фарцовкой. Даже нам предлагал кофточки. Значит, постоянно крутился среди «бабья».

Боже, на что я потратила столько души! Слепла, оглохла, никого не слушала, ничего не видела. Теперь, когда боль улеглась, мне противно думать о нем. Не очень-то она улеглась, эта боль, если честно. Она вспыхнула с новой силой, ударила по голове и оглушила. Но, слава Богу, это прошло, как прошло воздействие крепких градусов «боржоми». Перевязав платочками ведра с ягодами, мы тронулись в обратный путь.

До вечера мы успели убрать в комнатах и принять ванну, сбегать в магазин и почистить картошку. Ровно в десять робко звякнул звонок. На пороге стояли Хесус и Хавьер, красивые, жгучие мучачос, облаченные в рабочие телогрейки советского пошива.

Пока наши гости сидели на диване и с любопытством разглядывали комнату, книги, мы с Женькой жарили картошку, поочередно исчезая на кухне. В двенадцать часов мы вышли из дому и пешком через весь город направились к автостанции. Женька и Хавьер вырвались вперед, а Хесус приотстал, удерживая меня рядом. Он вытянул из меня все – и про друга, о котором я даже вспоминать не хотела, и про переписку с парнем из Перу.

– Будет похоже на предательство, если я перестану ему писать потому, что встретила тебя. Но я не могу писать вам обоим. Это будет нечестно.

Между нами образовалась мучительная тишина.

– Какой грустный вечер! – выдохнула я.

– Почему? – удивился Хесус.

– Молчим.

– Почему ты молчишь? – он уставился на меня с веселой улыбкой, и я засмеялась. Разговор принял прежнюю непринужденность, и мы уже не возвращались к неприятной теме. На автостанции стояли такси – напоминание о том, что пора расставаться.

– Я не хочу, чтобы ты уезжал! – сказала я.

Мы стояли и смотрели друг другу в глаза, вырабатывая «электричество», которое горячим теплом разливалось по всему телу. Подошли Женька и Хавьер.

– А мы идем гулять! – радостно сообщил Хесус, но Женька тут же умерила его пыл:

– Уже поздно. Вам пора возвращаться в лагерь.

Хесус взял меня под руку, и я снова окунулась в тихий омут его чарующих глаз.

– Que miras? (Что ты смотришь?) – Он впитал мой взгляд, и в ответ у него трепетно задрожали ресницы. – Tus ojos muy bonitos. (Твои глаза очень красивые).

Подъехал таксист и за пять рублей согласился увезти их в Анзеби. Следующей нашей встрече суждено было стать последней. Закончив работу, стройотряд УДН покидал место дислокации, и мы боялись, что прощальный вечер с выпивкой и весельем неминуемо поглотит наших друзей. Время тянулось убийственно медленно. Женька лежала на диване и с удивительным спокойствием читала книгу. Я же не находила себе места. Когда раздался долгожданный звонок, и парни появились на пороге, мы словно поменялись ролями. Теперь Женька радостно прыгала, а я от смущения стала молчаливой и неуклюжей, будто по рукам меня связали. Выключили свет и стали танцевать. Хесус быстро переключался из одного состояния в другое. То он был нежным и грустным от музыки, то приходил в веселье от моих слов.

– О, Настенька, мы с тобой – destino!

– Назначение?

– Судьба! Ты – моя судьба! – он ласкал меня губами, гладил по голове, приговаривая: – Eres muy, muy bonita. Ты сможешь ждать? Надо только ждать. Если двое любят...

В полумраке комнаты, под негромкую музыку, я впитывала в себя чудесные слова, произносимые на любимом испанском языке, которые были адресованы не какой-то литературной героине, а мне, простой девчонке из сибирского города, даже не мечтавшей о таком счастье.

– Te quiero. Chiquita mía. Nineta. Люблю тебя. Маленькая моя. Девчоночка, – шептал прекрасный мексиканец, купаясь губами в моих волосах. – Подари мне фотографию, и ты будешь всегда со мной. Te quiero mucho! Quiero estar contigo toda la vida. Очень люблю тебя! Хочу быть с тобой всю жизнь. Обещай, что будешь писать мне. Учись хорошо и думай о своей поездке в Москву.

Окончательно придя в себя, весь долгий путь до автостанции я много говорила – впервые с ним.

Глава 12. Любовь по переписке

Серые дождливые дни принесли грусть и тоску. Свое первое письмо Хесусу я написала после отъезда Жени. Вдохновение водило моей рукой, и в голове рождались строчки, которые и без помощи словаря ложились равнозначными испанскими фразами. Оказалось, в моей голове уже так много заложено: я умела думать на испанском языке!

Эти три дня, что оставались до отъезда в Иркутск, мне казались особенно тяжелыми от того, что я находилась в комнате, где все напоминало о недавнем присутствии Хесуса. Я жалела о том, что он не мог слышать этих же самых песен, таких грустных, они задевали за живое, заставляли вспоминать наше расставание, его губы, очень нежные, его ласковые прикосновения.

Первого сентября я появилась в институте. Все вызывало во мне восторг: и несметная толпа студенческой братии, которая растекалась говорливыми ручейками по этажам и факультетам, и множество лиц в переполненной аудитории, и радостные голоса со всех сторон: «Сюда! Настена!» Наконец-то мы встретились, все родные «в доску»! Напитавшись от подружек доброй энергетикой, я весь день прыгала, веселая и счастливая. На лекции, спрятавшись за широкую спину долговязого однокурсника Тертышкина, я вязала Хесусу жилет. Мне теперь было о ком заботиться.

В общежитии продолжался ремонт, начатый еще летом. Студентам для расселения предложили ленинскую комнату, читальный зал, интерклуб, но и эти места «общего пользования» были до отказа забиты. Около дверей комендантши постоянно толпилась очередь – без ее подписи не выдавали постельное белье. Та ходила по своим делам два-три часа, появлялась в конце рабочего дня, критически оглядывала понурую толпу и недовольно произносила:

– Это вы у меня никто не убирался? Без уборки никому не подписываю. Идите, уберите второй этаж, а когда все будет чисто, я подпишу.

И это за пятнадцать минут до своего ухода! А что творилось на этажах после ремонта! Такой разгром могло вызвать только землетрясение. За полгода ничего не сделаешь. Я временно остановилась у Алины.

– О! Кузнечик приехал! – радостно встречал меня Андрейка.

– Почему «кузнечик»? – удивилась я. – Много прыгаю?

Мне нравился ритм, который задавала Алина трудовому дню с раннего утра. Она хорошо научилась деловитости и расторопности, которых требовала жизнь большого города. Каждое движение, предшествующее выходу из дома, было продуманным, четко отлаженным и толковым – ни минуты не тратилось даром. Выпив по чашечке черного кофе и съев по яйцу, мы отправлялись: я – в институт, Алина – на работу.

Учебные занятия чередовались с однодневными поездками на необозримые картофельные плантации. Как-то с утра зарядил нудный дождь. Я подумала, что при неблагоприятных погодных условиях поездку отменят, и устроила себе день отдыха. Оказалось, я одна отдыхала, а остальные ездили. На следующий день я подъехала к восьми часам, а автобус отчалил в семь по предварительной договоренности, чему я не была свидетелем.

На месте сбора штрафников поджидал неласковый представитель деканата с «черным» списком в руках. В списке оказалось тринадцать человек, в основном, первокурсников. Всех в качестве дисциплинарного наказания отправили на стройку рыть траншеи для кабеля. Отработав полдня и посчитав, что этого достаточно, я самовольно покинула «бригаду». Я не первокурсница, чтобы всего бояться. Могла бы вообще не приходить.

Наконец-то я получила от Хесуса письмо. Самое лучшее, какое только можно было ожидать! Человек может глупеть от счастья. Так и я. Спать легла – и письмо положила рядом, и чувствовала Хесуса с собой. От радости кружилась голова, и я словно падала куда-то. Утром

встала в полшестого, улыбаюсь в темноте – нет, счастье еще не кончилось! Письмо – и какое письмо! – лежало рядом.

«Моя обожаемая Настюша! – писал Хесус. – Пишу тебе первое письмо, чтобы рассказать, как мы добрались до Москвы. Добрались хорошо, немного уставшие, с чувством голода, но с большими деньгами, так как в самолете нам выдали аванс – четыреста рублей. Анастасия, хочу видеть тебя, всегда иметь рядом с собой, целовать тебя и ласкать твои волосы. Чувствую себя влюбленным и очень счастлив, что познакомился с тобой. Я давно хотел встретить такую девушку как ты – красивую, добрую, образованную и честную, и готов сделать все необходимое, чтобы мы, Анастасия и Хесус, всегда были вместе – до последнего момента нашей жизни...»

Мне сразу захотелось что-то изменить в себе. Стать лучше, чтобы соответствовать воображаемому образу. Я тихонько оделась и на цыпочках вышла из дома. В семь утра я уже поджидала мастера у дверей парикмахерской, чтобы успеть сделать стрижку к началу занятий. Ах, лучше бы я сюда никогда не приходила! Обкорнали меня хуже некуда! Зеркало отражало унылый облик простолыдина. Настроение безвозвратно испортилось. Одно радовало, что Хесус не увидит, во что «умелые руки» мастера превратили мои *lindo, bello pelo*. В институт я пришла печальная, с одним желанием – спрятаться от любопытных глаз.

– Я не пойду на занятия, – сказала я Женьке, не заходя в аудиторию. – Ты только посмотри, какого Джона *de pura sepa* из меня сделали! Как заниматься с такой прической и таким настроением?

Женька запустила руку в мою стриженую голову.

– Ничего, до свадьбы отрастут новые. Для нас ты хороша и без каблуков, и без макияжа, и даже с такой стрижкой.

– Пойдем, чистокровный Джон, учиться! – засмеялась Илюшина, пристраиваясь сбоку. – Куда мы без тебя?

Они взяли меня под руки и завели в класс. Прозвенел звонок, и в аудитории появилась замдекана. Шум и гул, характерные перед началом лекции, мгновенно смолкли. Выдержав должную паузу, она объявила, что студенты третьего курса едут в совхоз Веренский.

Нас поселили в школу, дали каждому постель. Из-за грязи и дождя выход на совхозные поля задержали на два дня. На улице было холодно и ветрено, а у нас топились печка, согревая теплом неприкаянные души. Три раза в день нас водили в столовую и всегда давали мясо: откармливали перед тем, как бросить на поле в шестьдесят гектаров.

По вечерам в окошки стучали деревенские парни. К ним выходили девочки с фарфоровой фабрики, которые жили здесь же. Инязовские же ни с кем не гуляли. Курировала девочек преподавательница немецкого языка, молодая, совсем девчонка, но очень строгая. Многого не требовала, но одного пункта придерживалась неукоснительно: в двадцать три часа – отбой. И чтобы все были на местах. А в остальном она своим положительным примером задавала подопечным нужную линию поведения.

Девочки по очереди работали на кухне: мыли посуду, котлы, полы, чистили картошку. Кухонная черная работа уматывала. Однако кухонные работники находились в тепле и даже имели возможность между обедом и ужином сходить к себе поспать часок-другой. Девчонки, которые работали в поле, разительно отличались от «тепличных» согражданок: приезжали грязные и замерзшие, как каторжанки. Когда установилась хорошая погода, рабочий день растянулся с восхода солнца до его захода. Некоторых девочек поставили на комбайны, и они работали в облаке пыли, обдуваемые ветром и палимые солнцем. Девчачьи черномазые физиономии вызывали улыбку у всякого, кто имел удовольствие созерцать их.

В воскресенье привезли из Иркутска письма, которые дожидались своих адресатов в общежитии. Моя радость не имела границ, когда мне вручили письмо от Хесуса. Я сидела на постели, радостно зарывшись в листочки. Большого восторга, чем это письмо от дорогого человека, здесь, в совхозе, и быть не могло.

Хесус писал, что, получив мое первое письмо, испытал огромную радость от того, что я его помню и думаю о нем. «Я здесь вспоминаю тебя каждую ночь и каждый день, которые проходят, и всегда смотрю на твою фотографию и чувствую, что ты в действительности рядом со мной. Любовь моя! Я очень хочу видеть тебя, держать в своих объятиях, целовать. Думаю, что ты смогла бы приехать в Москву на следующих каникулах или, если будет возможность, я сам приеду навестить тебя. Завтра начинаются занятия в университете, и думаю, что этот год будет трудным, поскольку мы будем проходить практику по хирургии в больнице. Но это неважно. Сейчас у меня есть девушка, о которой я мечтал, и я счастлив, что встретил тебя. Учись с упорством, с душой – и ты добьешься замечательных результатов. Я также буду много заниматься, постоянно думая о тебе. Ты – мое вдохновение, моя Настюша, моя девочка».

Он просил еще одну мою фотографию, маленькую, чтобы послать ее в Мехико своим родителям и сказать им, что я – «его невеста, его Настюша».

Мне хотелось ущипнуть себя: не сплю ли я, не сон ли это? Принц на белом коне стремительно мчался в мою сторону (а чем я лучше других?), не поворачивая головы на восторженные крики многочисленных поклонниц. За что мне столько счастья? Смогу ли я вынести на своих плечах такую ношу? В совхозе, среди окружающих особей мужского пола, в большинстве своем обитали люди противоположного толка – грубияны и алкаши. В столовой пропитанные соляркой шофера подолгу распивали бутылки, причем, с таким видом, будто решали мировые проблемы. На моих глазах один бедолага упал лицом в тарелку и, полежав так четверть часа в компании бухающей братии, рухнул на пол, весь синий. Запечатлев на лицах глубокое сострадание, мужики бережно вынесли его на воздух. И в этом весь смысл жизни русского мужика: надраться и выйти в аут, чтобы ничего не видеть и не слышать? Пусть вокруг все горит синим пламенем!

Наверное, поэтому я воспринимала Хесуса, как пришельца с другой планеты. Он стремился получить хорошее образование, знал, чего хочет в жизни, и упорно добивался поставленной цели. Парень обладал тонким душевным устройством, осваивал классическую гитару, любил спорт, ходил в театр.

«Привет, моя любимая Настюша! – писал Хесус. – Сегодня я получил твой подарок ко дню рождения и почувствовал себя самым счастливым человеком на свете. Огромное спасибо. Жилет очень, очень красивый, и если ты сделала его своими руками, то позволь мне поздравить тебя – ты умница, молодец! Почему ты не писала мне? Я здесь каждый день жду твоих писем, а по ночам целую твою фотографию. Очень грустно мне было без твоих писем. Сейчас я спокоен и счастлив, зная, что ты есть, и ты будешь только моей. Здорова ли ты? Важно, чтобы ты хорошо себя чувствовала. Питайся регулярно, спи семь часов в сутки, в свободное время занимайся спортом, и развлечения твои должны соответствовать здоровому образу жизни. Сейчас, когда подходят холода, хорошо одевайся и особенно заботься, чтобы ноги были в тепле.

Здесь, в университете, занятия становятся трудными. Мы начинаем работать в больнице: присутствуем на различных операциях, ассистируем хирургу. Я продолжаю заниматься спортом: по утрам бегаю в лесу, играю в баскетбол и, само собой, учусь с прилежанием и любовью к своей профессии. В Мехико учиться в университете экономически дорого. Здесь мы все получаем бесплатно. Ежемесячной стипендии – девяносто рублей – хватает, чтобы хорошо питаться. Мои родители иногда посылают мне одежду. Мы, студенты из Мексики, благодарны советскому народу за помощь в получении профессии... Я очень скучаю без тебя, надеюсь, что очень скоро мы будем вместе, и я смогу целовать тебя и нежно гладить твои прекрасные волосы».

В приписке Хесус выражал беспокойство по поводу того, что кроме бандероли он не получил моего письма, которое, возможно, украл со стола «какой-то дурак».

Вслед за этим письмом пришло другое.

«Моя милая Настюша! Сегодня получил твое письмо из колхоза и почувствовал необъятную веселость. Надеюсь, что ты находишься в добром здравии, бережешь себя: хорошо одеваешься, так как холода уже надвигаются, хорошо питаешься, хорошо спишь. Моя бедная Настюша! Думаю, что ты должна устать на работе, так как трудно сеньоритам столько работать – с восьми утра до восьми вечера, правда? Но ничего, скоро вернешься в Иркутск, и все будет хорошо».

«Привет, мой дорогой Хесус! Вот уже два дня, как я нахожусь в Иркутске, – писала я, вернувшись из совхоза. – Отдыхаю, прогуливаюсь по улицам, вернее, ношусь в спешке. На занятия не торопимся, должны же мы позволить себе небольшой отдых после такой работы! Здесь мы живем как все цивилизованные люди – с чистыми лицами и руками, с прическами, одетые должным образом. Об этом мечтали две недели, проведенные в совхозе. Вернулись в Иркутск поздно вечером – с лицами, обожженными солнцем, уставшие, но очень веселые. Из совхоза я отправила тебе еще одно письмо, которое ты не получил. Мне кажется, оно до сих пор ищет дорогу из того заброшенного края»...

Прошел месяц. Мы по-прежнему жили в интерклубе – семнадцать человеко-кроватьей. Сорочинская ярмарка. Ярославский вокзал. Холодно, неудобно, тесно. Спасаясь от холода, мы с Женей спали вместе, но днем... руки корявые, губы посиневшие.

Много времени занимала подготовка к занятиям. Мы сидели до самой ночи и все равно не успевали выполнять задания до конца. Илюшина попросту пропускала те занятия, которые требовали большой подготовки, а нами руководило одно – *haу que* (надо!) Думая о Хесусе, я призывала себя учиться хорошо. Иногда нашего усердия хватало всего на две пары. Мы с Женей шли домой и негодовали, что так устали.

Наконец девочкам позволили перебраться в свои комнаты. В коридоре по-прежнему царил полнейший развал, напоминавший последствия стихийного бедствия. Обитатели общежития ходили по разбитому полу и разносили по комнатам бетонную грязь.

В один прекрасный день всех жильцов на трое суток выдворили из комнат, и полы в коридоре залили бетоном. Ночевать было негде, и бездомные горемыки потихоньку проникли в свои комнаты. Бетон не успел схватиться, как следует, и следы «таинственных пришельцев» отпечатались в полу. Наутро испещренный «звериными тропами» коридор представлял смешотворное зрелище.

Реальная жизнь со своими не всегда приятными проявлениями была рядом. Никакие «розовые очки» не помогали, чтобы не замечать неприглядность, которая окружала нас. Я едва сдерживала себя, чтобы не написать Хесусу грустное письмо и не поплакаться, как маме. Он не должен знать, что в моей душе поселилось отчаяние, что я совсем не верила в то, что мы когда-нибудь будем вместе. Построенные влюбленным воображением воздушные замки были хрупкими и нереальными, рассыпались, как строения из песка. А если не верить в наше совместное будущее, в жизни не останется никакой звездочки.

Как-то мы поехали с Женькой на барахолку в надежде присмотреть для себя сапоги. Блошинный рынок, где можно было с рук купить любую мелочь, нужную в хозяйстве, находился в предместье Рабочее, за грязной речкой Ушаковкой, на самой окраине города. Он имел не менее популярное название – «толкучка», поскольку там нельзя было сделать ни одного шага, не пробивая себе дорогу в толпах снующего туда-сюда разношерстного люда. Рынок, где совершались мошеннические сделки и буйным цветом процветало воровство, пользовался дурной славой, слыл городской клоакой, где честному человеку нечего было делать.

Именно здесь мы увидели Бориса. Какое-то чувство подсказало мне, что в этой среде он *свой человек*. Пока он разглядывал пластинку, мы наблюдали за ним из-за чужих спин. Эх, Борька! Он выглядел похудевшим и пожухшим, как истоптанный осенний лист. Нечесанные волосы, молящие о стрижке, неприглядно трепал холодный ветер. Пальто, будто снятое с чужого плеча, висело мешком. Он оставался так далеко в прошлом, что мы не посчитали

нужным подойти и поздороваться. Однако, странное ощущение! Несмотря ни на что, он по-прежнему казался мне нестерпимо *родным и до сих пор нужным*. Хотя и поставила я на нем точку, оказывается, забыть-то не смогла. Если бы я была ему нужна!

Письма от Хесуса приходили все реже. Я ехала из института в общежитие с трепетным сердцем, а когда видела, что в ящике опять пусто, все в жизни теряло свое значение. Знал бы кто, как не хватало мне для счастья этой малости – письма от Хесуса, пусть несколько строчек, чтобы знать, нужна ли я ему, хотел ли он нашей встречи. Я бродила по городу, думала свои мысли, повторяла все хорошие слова, которые могла бы сказать Хесусу, но которые так и умрут во мне, потому что никому другому я этих слов не скажу. Я готова была сесть в самолет и полететь в Москву. Жизнь снова сверкала всеми красками, когда я держала в руках долгожданный конверт, подписанный изумительно ровными, каллиграфическими буквами, и, замирая в предчувствии счастья, трепетно открывала его.

«Настюша! Милая голубка! – писал Хесус. – Прошу прощения, что не писал тебе. Я был занят в больнице, у нас было много зачетов по хирургии, терапии, биохимии. Готовился без продыху. К тому же, грипповал, так как ходил без шапки, дрожа от холода. Надеюсь, ты простишь меня. Знаешь, Настюша, я чувствую, что дома в Мехико не все хорошо. Прошло уже три месяца, как я не получаю писем от родителей, и это меня очень волнует. Знай, что я помню тебя и хочу, чтобы ты была рядом со мной, ведь мы так мало времени провели вместе. Думаю, в следующую нашу встречу мы будем много разговаривать, хорошо узнаем друг друга».

В мое письмо все-таки прокрались упаднические настроения. Поздравляя меня с годовщиной Великого Октября, Хесус пожелал мне огромных успехов в учебе, в жизни, чтобы я всегда сохраняла свой добрый характер и не возвращалась к пессимистическому настроению. Уверял, что упадничество достойно осуждения: «Человек должен бороться усердно и постоянно, чтобы достичь того, что ему предлагается». Он призывал меня не думать ни о чем, кроме учебы, и полностью отдаться во власть той мысли, что все будет хорошо. Он напоминал о том, что любит меня и думает обо мне, что когда-нибудь мы снова будем вместе, жизнь улыбнется нам, и все будет счастьем. В заключение Хесус сообщал, что очень занят в больнице, и ему не хватает времени даже поесть, поэтому он пишет так торопливо...

Учиться становилось все труднее. Иногда наваливалась такая усталость, что опускались руки. Я приходила из института, растягивалась по постели и не чувствовала в себе сил, чтобы пошевелить рукой или ногой. Я засыпала в состоянии изнуряющей усталости.

Сама того не замечая, я начала делать в учебе успехи. Преподавательница Гоглова, имеющая на кафедре репутацию «королевы грамматики», на экзамене по анализу поставила мне «отлично» и сказала, что сделала это без сомнения (*La he puesto sin duda*). Я оказалась единственной студенткой в группе, кто удостоился столь высокой оценки. Я на радостях ушла с третьей пары, мчалась по городу веселая и улыбалась: почему-то мне одной поставила. Потому ли, что я не беру на веру прописные истины, а сама до всего «докапываюсь»? Я составляла тот *caso singular* (редкий случай), когда преподавательница обращалась ко мне с вопросом:

– Анастасия, *esta Ud de acuerdo?* (Вы согласны?)

Я радовалась возможности писать Хесусу обо всем, что меня окружало: «Вчера впервые выпал снег. Начался резкий холод. Сейчас я испытываю странное, почти сладостное чувство, то же самое, что в Новый год. Через окно видим, как по белой земле идут два окоченевших кубинца. Бедняги! Здесь, в сибирском городе, они кажутся очень странными и сильно выделяются в толпе. Какой ветер их сюда занес? Идут, рассматривая окна нашего общежития. До сих пор мы не подружались с ними. Говорят, что они тривиальные».

«На занятиях по испанскому языку постоянно что-нибудь анализируем *a lo largo y a lo ancho* (в глубину и в ширину). Слушаем нашу професору, которая является для нас *prodigio de sabiduria* (чудом мудрости). Когда она говорит, я впитываю в себя ее красивую речь».

«Занятия сопровождаем здоровым смехом. К примеру, что может быть смешного в предложении, составленном Надей: «Я повернула голову назад и в последний раз увидела ярко горящие огни Москвы»? Но все мы, живущие в одной комнате, смеялись до слез. Никто не понимал, почему. Но мы-то знали, как наша Надя вымучивала эти предложения, сидя крючком и почти засыпая на кровати, под плакатом с видом ночной Москвы. Или Женя с легкой руки заменила слово *debatida* (обсуждена) на *condenada* (осуждена) и выдала предложение, которое повергло в ужас профессору: «Новая конституция была осуждена советским народом». Она вскричала, сделав круглые глаза: «Que cosa! No lo diga a nadie! (Что такое! Никому этого не говорите!) Так мы учимся. Я иногда думаю, что я слишком счастлива от того, что получаю твои письма и сама пишу тебе на испанском языке. Ты – мой вдохновитель, Хесус!»

«Настюша, любовь моя! – читала я ровненькие буковки, старательно выведенные рукой Хесуса. – Пишу это письмо, чтобы сказать, как сильно я по тебе скучаю и хочу, чтобы ты была рядом со мной, чтобы я гладил твои волосы и целовал твои губы, свежие, как роза. Сегодня пятница и, слушая музыку, очень романтическую, начинаю вспоминать и переживать заново все моменты, такие прекрасные и приятные, которые мы провели вместе в Сибири. Посылаю тебе свою фотографию, маленькую, но значительную, чтобы ты могла носить ее с собой, чтобы ты меня не забывала, а я всегда тебя помню...»

Эйфория, вызванная полученным письмом, проходила по мере того, как мой мексиканский друг затягивал с ответом. Я физически ощущала, что теряла силы и интерес к жизни и помимо своей воли не могла учиться с отдачей. Я опять летела в пропасть незнания и разности в пух и прах свои притязания на человека, который даже не принадлежал самому себе. Прошел его летний мираж, и ему нечем поддерживать уходящие иллюзии. Ему просто нечего писать!

Если бы я умела молиться, я каждый день просила бы, чтобы Хесус не забывал меня. *Senor Dios mio! Oyes mi voz, o estoy condenada a sufrir eternamente sin ser oida* (О, Боже! Услышь мой голос, или я обречена на вечное страдание не быть тобой услышанной?) *Mi corazon esta consumido de tanto sentir!* (Сердце мое разрывается от таких переживаний). Я не хотела прощаться со своей мечтой.

Я проводила долгие часы в читальном зале, конспектируя методику. Домой приезжала затемно, бесчувственная и выжатая, как тряпка. Ничего не спрашивала и на свою постель, где раскладывались полученные письма, не смотрела, но понимала сразу, что от Хесуса ничего нет. Я не обижалась, не жаловалась на судьбу. Я молчала.

С огромной задержкой долгожданный ответ приходил.

«Моя любимая Настюша! – писал Хесус, с легкостью разгоняя тучи над моей головой. – Прошу тысячу извинений за то, что не писал тебе. Обыкновенно во время экзаменов я не пишу писем, поскольку не хватает времени. Ясно, что тебя, Настюша, я не могу забыть, всегда ношу в своем сердце. Но ты должна понимать, что иногда бывают очень трудные минуты, когда нет настроения писать кому-либо. Такова жизнь: то печаль, то радость. Все это время я грустил от того, что не получал писем от своей мамочки. А вчера, наконец-то, я получил огромное письмо от всей своей семьи: мне написали мама, брат, сестренки. Ты представить себе не можешь, какую радость я испытал, когда держал в своих руках это долгожданное письмо, ведь я четыре месяца ничего не знал о своих родных. Сейчас я успокоился. Прошу тысячу извинений, моя голубка! Прощаешь меня? Спасибо.

Здесь, в Москве, сейчас холодно, я пытался купить пальто, но не удалось. Мое старое пальто холодное, поэтому я часто простужаюсь. Следующим летом постараюсь купить «дубленку», из тех, что носят рабочие, на БАМе легко найти их, а в Москве невозможно. Напиши мне, каковы твои планы на эти каникулы. Приедешь ты в Москву или в Ленинград? Наш деканат создает нам большие трудности в отношении самостоятельного выезда в другие города.

Можно только на экскурсии. Я желаю тебе хорошо сдать экзамены, и чтобы мы скоро встретились».

Старый год подходил к концу. Как обычно, я задумалась: чего было больше – плохого или хорошего? И вдруг поняла, что неизменными в моей жизни оставались боль за что-нибудь и несбыточные мечты. Они крались по пятам, как злой рок.

Девчата поставили на кухонной тумбочке елочку и нарядили ее. Моя кровать изголовьем упиралась в тумбочку, и мне выпала честь спать под пахучими еловыми веточками.

Незадолго до нового года на третьем этаже загорелась комната. Причина возгорания оставалась неясной: то ли сигаретой прожгли одеяло, то ли свечку уронили. Все было охвачено пламенем. Среди ночи поднялся невообразимый шум. Какая-то истеричка носилась в коридоре и кричала:

– Вставайте! Пожар! Все горит! Не спите! Сгорим все!

Комната заволочлась едким дымом. На этаже ничего не было видно через густую дымовую завесу. В коридор высыпали все испуганные обитатели общаги.

К моменту появления пожарных возгорание потушили. Мы вернулись в комнату и ну хохотать, вспоминая, как Надя, нацепив чулки и придерживая их руками, чтобы не сваливались, бежала по коридору сгорбленная, как старушка, на которую уже падал горящий потолок избы. У меня же в минуту крайней опасности была одна мысль – какие учебники спасать из огня в первую очередь?

В связи с пожаром в общежитии запретили проводить новогодний вечер. По этой причине празднование Нового года прошло с тихой грустью и не оставило в душе заметного следа. Мы с Женькой бросили все силы на подготовку к экзаменам, достойно преодолели зимнюю сессию и отправились на каникулы в Ленинград. По пути, как и следовало ожидать, на сутки остановились в Москве, чтобы повстречаться с Хесусом и Хавьером. Столица встретила нас белоснежной сказкой, закружила голову круговертью непрерывного автомобильного движения и людским столпотворением.

С непривычки оглохнув от столичного шума, мы потерялись бы в огромном городе, как песчинки, если бы не разворотливость Женьки. В метро она ориентировалась с такой поспешностью, словно провела в подземных лабиринтах половину своей сознательной жизни. Мы сняли недорогой номер в гостинице ВДНХ, привели себя в порядок и наметили план дальнейших действий

Встреча с Хесусом не принесла мне ожидаемой радости. В холодной, сырой Москве мексиканский мучачо выглядел как пострадавший от суровой русской зимы француз из отступающей по Смоленской дороге наполеоновской армии. Растерянный, продрогший, одетый во что попало, чужой человек с лицом оливкового цвета, против воли выхваченный из привычного бега по кругу и сожалеющий о каждом потерянном часе. За столь короткое время, отпущенное на общение, мы так и не преодолели полосу отчуждения. Все было не так, как мы нафантазировали. Исчезла поэзия, которая присутствовала в каждой строчке нашей переписки. Была проза – с горьким послевкусием разочарования. Лучше бы не было этих поспешных встреч в столичной столлоке...

На скором поезде «Красная стрела» мы отчалили в Ленинград, где нас с нетерпением поджидала моя сестра Таисия, чтобы за время трехдневного пребывания дать представление о прекрасном городе, в котором она имела счастье учиться.

После каникул понадобилось немало времени, чтобы войти в привычную колею. Все ходили, как вареные. На первую пару просыпали, с последней пары уходили. Никто не мог взять себя в руки – одинаковая болезнь у всего отделения. Первая группа в полном составе не появлялась на занятиях целую неделю – отдавали замуж свою «чику». Из нашей группы первые три дня в институт приходила одна Ермошка. Разумеется, ее отпускали домой. Женька

продлила себе каникулы еще на две недели, по пути из Ленинграда застряв у своих родственников в Свердловске.

После такого немислимого расслабления программу погнали по потогонной системе, в день по четыре пары. Началась специализация – методика внеклассной работы, спецкурс по педагогике. Допекали трудности со вторым языком – английским. Оказалось не так просто перестроить артикуляционный аппарат на другой язык, тем более что английской фонетике не уделялось должного внимания. («Анастасия, у вас светлая головка, думаете хорошо, вокабуляр употребляете хороший, но произношение вас погубит!») Но даже не это было главной причиной неприятия второго языка. Мы оказались однолюбам испанского, вложив в его изучение всю душу, и никакой другой язык даже близко не выдерживал конкуренции. Видя на лицах студентов скуку и нежелание заниматься, англичанка ругалась «по-черному»:

– Руки-ноги у вас здоровые, ходите вы великолепно, никакой палочки вам не надо. Но почему же у вас такое настроение?

Это правда. Не могла она воодушевить своим предметом, в котором мы не видели живого языка, которым пользуются люди. А без этого не могло быть никакого увлечения. Всегда покладистая Ермошка вступала с преподавателем в конфликт и отказывалась отвечать, а я была вне урока, витала в облаках, думая о своем, и не могла перевести прямую речь в косвенную.

Наконец, в учебу втянулись. Теперь уже совесть не позволяла проспать первую пару или исчезнуть с последней. Студенческая жизнь помаленьку набирала привычные обороты. Вечерами мы слушали чудесные песни о свободе и о любви в исполнении чилийского певца Виктора Хары. Время от времени устраивали в комнате день испанского языка, не употребляя в высказываниях ни слова по-русски. Каждая попытка вставить родное словечко каралась штрафом в пять копеек. Откуда-то появлялся дар речи, мы сами себя не узнавали.

Со дня последней встречи с Хесусом миновал ровно месяц. Каждый день приходила почта, и для меня сгущались сумерки. Писем не было, и это убивало. Жизнь казалась пустой и бесполезной. Прошло его увлечение, растаяло, как дым. Обманывать себя не заставишь, если разочарование было так очевидно. Я поклялась не писать ему, но тут же возникла мысль заказать переговоры, на что Илюшина справедливо заметила:

– Эх, Настя, Настя! Зарекался дятел не долбить дерево.

Женька была настроена оптимистически. Она сидела на своей кровати, вязала Хавьеру свитер и пускалась по третьему кругу вспоминать все подробности московской поездки. Любое упоминание про Хесуса ранило. На что Женька отвечала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.